

269261

PK-2
K-852-g

В бібліотеку Херсонського Університету

А. С. Крымскій.

автор

IV.
346.

ДРЕВНЕ-КІЕВСКІЙ ГОВОРЪ.

346

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

59

269261. Кривинский А. В.
Древне-Киевский
говор.
1952
Чл. ч. к
1953
П. И. Н. К. В.
20/12 НКС
Коллекция
Чл. ч. к

212

269261

46.

А. В. Кривинский.

11. IV
346.

ДРЕВНЕ-КИЕВСКИЙ ГОВОРЪ.

16 июля 1934

1908
1897

К
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
269261

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1907.

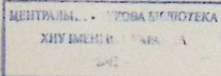
Проверено
Л. Г. В.
1. 3

59

и Наукъ.

С. Олденбургъ.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. XI (1906 г.), кн. 3-я, стран. 368—411.

Древне-кіевскій говоръ.

I.

Въ I выпускѣ «Извѣстій» за 1905 годъ г. Соболевскій выступилъ со статьей: «Древне-кіевскій говоръ» (стр. 308—323), въ которой онъ старается увѣрить читателей, будто древне-кіевскій говоръ ближе стоялъ къ великорусскимъ, чѣмъ къ малорусскимъ.

Я имѣю въ виду остановиться только на нѣкоторыхъ, именно—на болѣе новыхъ, частяхъ этой статьи, а не на всей, и на то есть причины. Оспаривать статью г. Соболевскаго въ цѣломъ была бы работа совершенно излишняя, совершенно ненужная и совершенно бесполезная, потому что г. Соболевскій почти сплошь повторяетъ въ ней все тѣ же соображенія, которыя онъ выставилъ 20 лѣтъ тому назадъ. Неосновательность всѣхъ тогда имъ выставленныхъ соображеній была ужъ всесторонне обнаружена и выдающимися историками и филологами, причемъ среди именъ филологовъ, отвергнувшихъ мысль г. Соболевскаго, можно назвать нѣкоторыхъ глубоко-авторитетныхъ именъ въ дѣлѣ изученія славянорусской филологіи, какъ акад. Шахматовъ и акад. Ягичъ (патріархъ-глава всѣхъ современныхъ славяновѣдovъ). Г. Соболевскій, повторяя теперь въ «Извѣстіяхъ» свои старыя, ясно опровергнутыя наукою, соображенія, не только не постарался опровергнуть сперва доводы своихъ обвинителей, — уче-

ныхъ, авторитетныхъ историковъ и филологовъ;—но напротивъ: онъ вновь повторяетъ все тѣ же старыя свои соображенія съ такимъ видомъ, какъ будто и не знаетъ, что они давно опровергнуты. Вотъ почему нѣтъ необходимости вторично ихъ оспаривать: лучше прямо отослать читателя къ литературѣ предмета ¹⁾.

Замѣчу развѣ, что г. Соболевскій по прежнему предлагаетъ изучать старо-кѣвскій говоръ не по подлиннымъ кѣвскимъ памятникамъ, а по такимъ недостовернымъ, какъ Мстиславова грамота ок. 1130 г., которую въ другомъ случаѣ самъ же г. Соболевскій признавалъ за «несомненно писанную въ Новгородѣ» ²⁾, или какъ Юрьевское Евангеліе, написанное въ Новгородѣ между 1119—1128 г. монахомъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря для монастырскаго употребленія, или какъ Тріодъ новгородца Моисея Кіинина XII—XIII в., полная явныхъ особенностей мѣстнаго новгородскаго нарѣчія, и т. п., и т. п. Включивши такую Тріодъ новгородца Моисея Кіинина въ число кѣвскихъ памятниковъ, г. Соболевскій нарушилъ въ данномъ случаѣ даже свое собственное правило: «Для знакомства съ древне-кѣвскимъ говоромъ могутъ служить тѣ рукописи XII—XIII вѣка, которыя не имѣютъ въ своемъ правописаніи ни новгородскихъ, ни галицко-волынскихъ особенностей» ³⁾. Впрочемъ и самое правило возбуждаетъ недоумѣнія: въ силу того шаткаго принципа, который выставленъ здѣсь г. Соболевскимъ, предоставляется искать кѣвскія черты въ памятникахъ бѣлорусскихъ, суздальскихъ, рязанскихъ, московскихъ, а затѣмъ, на основаніи ихъ, утверждать, что старо-кѣвскій говоръ былъ не малорусскій!

Правда, г. Соболевскій въ «Извѣстіяхъ» ссылается и на подлин-

1) Она указана у Пыпина въ соответствующемъ отдѣлѣ его «Исторіи русской литературы». Въ своей «Филологіи и Погодинской гипотезѣ» (Кіевъ, 1904, т. I) я тоже далъ обзоръ главнѣйшихъ работъ по этому вопросу.

2) А. Соболевскій: Изслѣдованія въ области русской грамматики (Варш. 1881), стр. 4.

3) Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, Февр., стр. 356.

ныхъ старо-кѣвскихъ памятниковъ, каковы Изборники Святослава 1073 и 1076 г.; но въ этомъ случаѣ онъ скрываетъ ихъ наиболѣе оригинальныя, типично-малорусскія особенности (сюда относится смѣшеніе ѣ съ і, параллельное со смѣшеніемъ прежняго и съ ъ) ¹⁾, а вмѣсто того онъ останавливается лишь на одной менѣ характерной ихъ особенности, причѣмъ голословно, мимоходомъ, пытается отвергнуть ея малорусскость, не называя даже именъ тѣхъ ученыхъ изслѣдователей, которые эту особенность указали какъ малоруссизмъ. Такою особенностью является смѣшеніе о съ у; по ея поводу г. Соболевскій заявляетъ небрежно, даже не въ текстѣ, а въ петитной сноскѣ: «Видѣть замѣчу у черезъ и и наоборотъ въ такихъ обычныхъ ц.-слав. словахъ, какъ *о҃годыи, уселеная, уселити*,—можно только при незнакомствѣ съ церк.-слав. языкомъ» (стр. 317). Это пренебрежительно произнесенное обвиненіе въ незнакомствѣ съ церковно-славянскимъ языкомъ направлено противъ кого же?—противъ акад. Ламанскаго ²⁾, противъ акад. Срезневскаго ³⁾ и

1) Само по себѣ смѣшеніе звука ѣ съ і не есть исключительно малорусская черта (въ Новгородѣ тоже было такое смѣшеніе, и въ новгородскихъ рукописяхъ смѣшиваются буквы ѣ и и); но для кѣвскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года характерно то, что смѣшеніе звука ѣ съ і (т. е. буквы ѣ и и) проявляется въ нихъ параллельно со смѣшеніемъ и съ ъ. Вѣдь ясно, что, какъ-только предки малоруссовъ начали смѣшивать звукъ ѣ съ і, то звукъ и одновременно долженъ былъ у нихъ звучать подтверже, чтобы отличаться отъ і, а не быть съ нимъ тождествену. Предположить же, что звуки ѣ и и могли въ какой-нибудь періодъ оказаться у малоруссовъ тождественны, нельзя потому, что въ такомъ случаѣ послѣ XIV-го вѣка, когда у малоруссовъ звуки и и ъ окончательно слились въ одинъ твердый звукъ, тогда старинный звукъ ѣ тоже долженъ былъ бы обратиться въ такой же твердый звукъ и малоруссы теперь говорили бы не «ѣто» (ѣаѣто), а «ѣто» (ѣаѣто). Вотъ почему, если не у чуждой какой-нибудь рукописи, смѣшивающей буквы ѣ съ и, мы предполагаемъ малоруса, то мы естественно можемъ ждать, что гдѣ-нибудь этотъ писецъ смѣшаетъ также буквы и и ъ. Кѣвскіе Изборники Святослава 1073 и 1076 года какъ-разъ принадлежатъ къ памятникамъ такого типа.

2) В. Ламанскій: О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ съ филологическими и историческими примѣчаніями, Спб. 1864, стр. 92 (=Приложеніе къ VI тому «Записокъ Императорской Акад. Наукъ»).

3) И. Срезневскій: Славяно-русская палеографія, Спб. 1885, стр. 115.

противъ акад. Ягича ¹⁾, т. е. какъ-разъ противъ главныхъ столповъ славяновѣдѣнія! Такой способъ г. Соболевскаго отвергать нежелательное ему утверждение можетъ ли считаться опроверженіемъ?—отвѣтъ на это легко дать даже малоосвѣдомленный читатель. А болѣе освѣдомленный вспомнить, что провозглашенные г. Соболевскимъ за невѣждъ славяновѣды-авторитеты признавали старо-кіевское «въгодникъ» и «уселеная» за звуковое смѣшеніе съ «оугодникъ» и «въселеная» вовсе не по своему личному произволу и не по незнакомству съ церк.-славянскимъ языкомъ, но напротивъ — въ силу *чрезвычайно близкаго* своего знакомства съ церк.-слав. языкомъ. Они, разумѣется, очень и очень хорошо знали, что написаніе «въгодникъ» и «уселеная» встрѣчается наряду съ «оугодникъ» и «въселеная» не только въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава, но и въ церковно-славянскихъ памятникахъ; — однако почему они не могли отнести къ нему иначе, какъ къ результату смѣшенія *оу* и *у*? Да потому, что и въ церк.-славянскихъ памятникахъ вообще констатируются случаи несомнѣннаго смѣшенія звуковъ *оу* и *у*, такого же, какое было и у старыхъ кіевлянъ-малоруссовъ. Тѣмъ авторитетнымъ славяновѣдамъ, которыхъ свысока третируетъ г. Соболевскій, были очень хорошо извѣстны написанія «въгодникъ» и «уселеная» напримѣръ въ Супрасльской рукописи, — извѣстны значительно раньше, чѣмъ ихъ узналъ г. Соболевскій ²⁾; но они знали также, что въ Супрасльской рукописи есть и написаніе «оу-остатъки (321¹⁵), а потому понимали, что Супрасльское «въгодникъ» есть результатъ звукового смѣшенія *оу* и *у*³⁾. Оттого встрѣ-

1) И. Ягичъ: Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, Спб. 1889, стр. 84 (изъ «Сборн. Акад. Н.»).

2) Срв. у В. Ламанскаго: О слов. рукоп., стр. 92 (1864 г.).

3) По этой же причинѣ и многіе другіе очень заслуженные слависты приходили къ такому же заключенію. Такъ, и А. Будиловичъ призналъ формы «уселеная» и «оугодникъ» за результатъ звукового смѣшенія *о* и *у* («Изслѣд. языка XIII словъ Григ. Богослова по рукоп. XI вѣка», стр. 24), потому что въ томъ памятникѣ, который имъ изданъ, констатируются и другіе случаи смѣшенія *оу* и *у* (Напр., на л. 143-мъ слова Пилата: «еже уписалъ есмь, описаша», quod scripsi, scripsi).

чая аналогичныя написанія въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., чередующіяся рядомъ въ двухъ сосѣднихъ строкахъ, эти авторитетные славяновѣды не колебались видѣть въ нихъ проявленіе того самого звукового смѣшенія *о* и *у*, какое свойственно, между прочимъ, и малорусской рѣчи. И это — тѣмъ правильнѣе, что въ Изборникахъ Святослава эти славяновѣды несомнѣнно знали и другіе случаи проявляющейся наклонности смѣшивать звуки *оу* и *оу*, — случаи, о которыхъ г. Соболевскій совсѣмъ умалчиваетъ ¹⁾. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ г. Соболевскій своей постановкой вопроса о старо-кіевскомъ смѣшеніи или несмѣшеніи звуковъ *о* и *у* извратилъ основную мысль тѣхъ изслѣдователей старо-кіевского говора, которые за старо-кіевскимъ говоромъ признавали такое смѣшеніе. Вѣдь главную и характерную черту малорусскости кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 филологи видятъ вовсе не въ фактѣ смѣшенія звуковъ *о* и *у*: для нихъ это одна изъ *побочныхъ* малорусскихъ чертъ ²⁾; *главный* же признакъ старокіевской малорусскости XI вѣка — это тотъ, о которомъ, какъ я выше отмѣтилъ, г. Соболевскій совершенно умалчиваетъ въ своей статьѣ. Этотъ признакъ, повторяю, есть смѣшеніе буквъ *ѣ* и *и* (т. е. звуковъ *ѣ* и *и*), одновременное со смѣшеніемъ и *и* *ы*. Упомянутая особенность есть тотъ maximum специально-малорусской фонетики, какого мы смѣемъ ждать отъ малорусской рѣчи XI вѣка; и разъ она проявляется въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., то надо признать,

1) Имя царя Платона-Долгосора является въ Изборникѣ 1073 г. то въ видѣ «Платодоносора» (напр. л. 144), то тутъ же рядомъ въ видѣ «Платодоносора» (л. 148 об., два раза; см. еще л. 67, л. 113). Можно указать подобное явленіе и въ нѣкоторыхъ другихъ начертаніяхъ этого Изборника. См. мою «Украинскую грамматику», § 13, г.

2) Про себя лично могу напомнить, что я называлъ эту черту въ старо-кіевскомъ говорѣ даже лишь «зачаточной». См. «Филологія и Погодинская гипотеза» (Кіевъ 1904), стр. 60; «Украинская грамматика», § 13, г. Она и не могла быть иною, чѣмъ зачаточною, въ виду почти полной сохранности глухихъ звуковъ XI в.

что эти памятники *ополн* отразили тогдашнюю типичнѣйшую кievскую малорусскость XI вѣка ¹⁾. Что касается самой важной

1) Отразились въ Изборникахъ Святослава, конечно, и другія черты тогдашней малорусской фонетики, но тѣ черты уже не такъ характерны, — хотя, разумеется, въ своей совокупности онѣ важны тѣмъ, что рельефнѣе очерчиваютъ старо-кievскую малорусскость. Сверхъ оспариваемаго г. Соболевскимъ смѣшенія звуковъ *к* и *у*, старые кievляне знали растяженіе звука *с* въ *л* передъ мягкими слогами; — какъ нынѣшніе кievскіе малоруссы говорятъ: «кришаник», «ямлю» и пр., такъ и въ Изборникѣ 1073 пишется: «кажаника» 262, «помяются» 212, «Елисаветѣ» 254 об. и пр. Замѣчалась у старшихъ кievлянъ XI вѣка наклонность къ усиленію корня *зл* въ *зо*; нынѣшніе кievскіе малоруссы говорятъ «дозолати комуся», «дозелати комуся» (= досаждаютъ), «зозлбк» (= самый больной пунктъ раны, опухоли и т. п.), а въ Изборникѣ 1073 встрѣчаемъ: «зозлоба» 94, 105, 113 и пр. Послѣ шипящихъ и йоты передъ твердыми слогами звукъ *к* обращался въ *кiевѣ* XI вѣка въ *с*; — какъ нынѣшніе кievскіе малоруссы говорятъ «человѣк», «жена», «з Майнова», такъ и кievскіе Изборники писали: «человѣка» (Изборн. 1073 г., л. 179 д), «жена» (Изборн. 1076 г., л. 181 б), «Василиво», «Еунозину» (Изб. 1073, л. 124 об., л. 243 об.). Неударное *о* по содѣйству съ *у* уподоблялось ему; — какъ теперь подѣ Киевомъ мы слышимъ «з добрую дѣвчину», такъ и въ Изборникѣ 1073 г. находимъ: «з женою язычною и которивею» (л. 170), «божьскую силою» (л. 245), «умняую мыслю» (л. 132); по этому же закону неударный суффиксъ *ос* (или *юс*) обращался въ *юс* (или *юс*), какъ и теперь въ Киевщинѣ: срв. въ Изб. 1073 г. «по Ариюву» (л. 243 об.); по тому же закону Августинъ обращенъ въ Изб. 1073 въ «Оугустина» (л. 127). Способность нынѣшней Киевщины XX вѣка пропускать звукъ *г* въ глаголахъ «розгнѣвати», «згнѣти», «грішнѣти» датируется и въ Святославовыхъ Изборникахъ XI вѣка, гдѣ мы находимъ: «разгнѣваться» (1073 г. л. 145 об., срв. еще л. 99), «изгнѣсти» (Изб. 1076, л. 237), «стрѣшу» (л. 1 об., по чтенію Буслаева). Звукъ *г* кievской рѣчи XI в. могъ служить придыхательнымъ призвукомъ, который способенъ былъ опять отпадать и, по аналогіи, увлекать за собою даже коренное начальное *г* и способенъ былъ также чередоваться съ призвуками *й* и *в* (см. мою «Украинскую грамматику», § 14, б). О чередованіи заднеязычныхъ *г* и *к* съ зубными *д* и *т*, типичномъ какъ для кievскаго нарѣчія XI в., такъ и для нынѣшняго нарѣчія Киевщины, будетъ у насъ рѣчь ниже (гл. III); сюда же относится и специально-малорусская лѣтотисная форма имени «Дюрдій» вмѣсто «Георгій». Въ строѣ губныхъ звуковъ мы по Изборникамъ Святослава уже видимъ въ Киевѣ XI вѣка нынѣшнее чередованіе звукосочетаній *ли* и *он* и рядъ другихъ современныхъ кievско-малорусскихъ явленій (см. «Украинск. грамм.», § 13). Видимъ мы по кievскимъ Изборникамъ XI в. огромное совпаденіе съ фактами нынѣшней кievской рѣчи такъ же въ строѣ плавныхъ («Украинск. грамм.», § 11), включая сюда восточно-малорусское отвердженіе звука *р* въ однихъ случаяхъ и умягченіе его въ другихъ случаяхъ, причѣмъ и Навуходоносоръ (какъ и теперь въ Киевщинѣ) обращается по Изборникамъ Святослава въ «Науходоносорѣ» (срв. Изб. 1073, л. 144). Можно бы

особенности нынѣшней малорусской рѣчи, а именно — замѣстительнаго удлиненія звуковъ *о* и *е* передъ слогами съ потерянными глухими и обращенія ихъ въ дифтонги или въ *і* (срв. *кинѣ*, *шіст*), то въ XI вѣкѣ этой малорусской черты еще быть не могло по той существенной причинѣ, что глухіе звуки *ч* и *ц* были тогда, какъ извѣстно, почти въ полной сохранности и еще не пали ¹⁾; слѣдовательно слова *конѣ* и *шесть* произносились тогда у кievлянъ, въ XI вѣкѣ, не съ удлинненными гласными звуками *о* и *е*, а съ обыкновенными, и искать намъ въ кievскихъ Святославовыхъ Изборникахъ XI вѣка какіе-нибудь признаки существованія замѣстительной долготы, возникшей *позже* XI вѣка, было бы, по меньшей мѣрѣ, странно.

Сдѣлавши оговорку по поводу способа обращенія г. Соболевскаго съ кievскими Изборниками Святослава 1073 и 1076 г. я вновь долженъ заявить, что *оспх* тѣхъ старыхъ, избитыхъ пріемовъ г. Соболевскаго, которыми онъ опять желалъ бы поддерживать свою гипотезу о немалорусскости древняго Києва, я разсматривать здѣсь не буду, разъ они уже всецѣло опровер-

и еще указать здѣсь огромный рядъ звуковыхъ діалектическихъ совпаденій кievской рѣчи XI в. съ нынѣшней кievской, но по недостатку мѣста я отсылаю читателя къ своей «Украинской грамматикѣ», особенно къ главамъ III—IV («Очеркъ звуковой системы лѣтотиснаго кievско-черниговско-переславскаго нарѣчія XI вѣка»). Дополнительный матеріалъ ко всему этому, со множествомъ примѣровъ и со ссылками, см. у меня въ «Филологин и Погодинской гипотезѣ», стр. 51—61, 68 и XV—XVI. Туда добавить можно тѣ печатные примѣры на употребленіе глагола «дозелати» (внесеннаго, впрочемъ, и въ словарь Желеховскаго), которые можно прочесть, напр., въ кievскомъ юбилейномъ сборникѣ въ честь столѣтій Энеиды Котляревскаго (стр. 117) и въ кievскомъ журналѣ «Шершень» (1906, № 3, стр. 7). Повторю одно, что все это черты *нынѣшней*, побочнаго, не исключительнаго даже малорусскія; интересны онѣ только въ своей *современности*, какъ иллюстрація совпаденій нынѣшней фонетики Киевщины съ фонетикой XI вѣка.

1) Съ особой обстоятельностью эта сохранность глухихъ XI вѣка показана въ статьѣ П. Волкова: «къ исторіи русскаго языка» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1894, янв., стр. 214—221). Изученіе ритмики «Слова о полку Игоревѣ», произведенное акад. О. Е. Коршемъ (лучшимъ авторитетомъ въ этой области), показываетъ, что даже въ концѣ XII-го вѣка глухіе гласные пост.-мр. нарѣчій были еще очень сохранны, и лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ они ужъ пали.

гнутой многими солидными учеными. Въ нынѣшней статьѣ я имѣю въ виду одно: разсмотрѣть только тѣ соображенія г. Соболевскаго о мнимомъ великоруссизмѣ древнихъ кievлянъ, который онъ считаетъ возможнымъ почерпнуть изъ языка Начальной и Кіевской лѣтописи, потому что эти доводы могутъ въ большей или меньшей степени считаться еще новыми, неразмѣрными. Мы увидимъ, что и новые эти доводы г. Соболевскаго столь же малоцѣнны и фактически ложны, какъ и предыдущіе.

II.

Останавливаясь на языкѣ «Начальной Лѣтописи», г. Соболевскій говоритъ: «Прежде всего въ Начальной и Кіевской лѣтописяхъ, при обилии уменьшительныхъ собственныхъ именъ разнаго рода, мы замѣчаемъ отсутствіе уменьшительныхъ [NB. болѣе поздняго. А. Кр.] типа *Стец[ь]ко*, *Яц[ь]ко*, *Гриц[ь]ко*, *Гриц[ь]*, которыя обычны въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв. (на русскомъ и на латинскомъ языкахъ) и въ современныхъ малорусскихъ говорахъ»¹⁾.

Въ отвѣтъ на это надо сказать: такихъ уменьшительныхъ не было также и въ Галичинѣ до XIV—XV вѣка,—напримѣръ, ихъ нѣтъ въ Галицко-Волынской лѣтописи. И вполне понятно, почему это такъ: потому что малорусскія имена на *цко* появились у малоруссовъ лишь подъ польскимъ вліяніемъ, а польскаго вліянія не знали не только старый Кіевъ, но и старая Галичина. Когда же Галичина попала во власть къ полякамъ, въ ней тогда и завелись имена вроде «*Стецко*», «*Яцко*» и т. п.: они представляютъ собою уменьшительныя польскаго (вѣрнѣе—вообще западно-славянскаго) типа «*Стець*», «*Яць*» и пр. съ при-

1) Извѣстія, 1905, кн. I, стр. 319.

бавленіемъ обычнаго малорусскаго (и общерусскаго) окончанія *ко*¹⁾. Только съ XIV—XV вѣка они и появляются въ галицкихъ грамотахъ,—гдѣ, какъ мы видѣли, ихъ и нашелъ г. Соболевскій²⁾.

III.

Далѣе г. Соболевскій продолжаетъ: «Затѣмъ въ Кіевской лѣтописи (какъ по Ипатскому, такъ и по другимъ спискамъ) собственное имя звучитъ *Дюрдь*, *Дюрдий*, *Дюръ*, изъ *Гюръ*, *Гюрый*, со смягченіемъ *г* въ *д* (рядомъ книжная форма *Георгій* и старая народная *Дюргий*).... Ни галицко-волынскіе памятники XII—XIV вѣка, ни галицкія грамоты XIV—XV вѣковъ, ни современные малорусскіе говоры [будто бы?! А. Кр.] не знаютъ смягченія *г* въ *д*, какъ и *к* въ *т*, ни въ этомъ, ни въ однородныхъ словахъ. Новгородскіе, средне-русскіе, западно-русскіе памятники всѣхъ временъ не знаютъ имени *Георгій* ни въ одномъ изъ его вариантовъ со звукомъ *д*. То же можно сказать о современныхъ русскихъ говорахъ»³⁾.

1) Процессъ соединенія малоруссами какого-нибудь чужого заимствованнаго уменьшительнаго имени со своимъ роднымъ малорусскимъ суффиксомъ *ко* всякій можетъ и сейчасъ свободно наблюдать. Каждому, конечно, случалось слышать, какъ разбогатѣвшій простой малорусъ начинаетъ титуловать своего сына, положимъ *Георгія*: «*Жоржко*»,—на томъ основаніи, что въ сосѣдней панской семьѣ панчикъ-Георгій назывался уменьшительно «*Жоржъ*».

2) Имена польскаго типа «*Яць*», «*Стець*» могли быть знакомы и вѣдѣны у галичанъ, а затѣмъ въ Галичинѣ или изъ Галичинѣ въ вѣдѣніе вѣдѣніе галичанъ и др.) потому, что эта стариннѣйшая область у южноруссовъ уже имѣла свою собственную наклонность образовывать уменьшительныя именныя формы довольно сходнаго съ этимъ типа: на к. Такъ, въ старомъ Кіевѣ вмѣсто «*Михаилъ*» говорилось «*Михаль*» (см. Лаврент. списокъ, стр. 185, 301; Ипат. сн., 134), вм. «*Иванъ*»—«*Инь*» (Лавр. 171; Ипат. 123; Лавр. 205, Ипат. 148).—Кстати будетъ вспомнить г. Соболевскому, что старо-кіевскіе «*Михаль*» и «*Инь*» сами по себѣ уже сравнительно типичныя малорусскія формы.

3) Извѣстія, указ. м., стр. 319.

Въ дополненіе къ этой цитатѣ изъ статьи г. Соболевскаго мы приведемъ также одно мѣсто изъ его «Лекцій», гдѣ онъ, отмѣтивши между прочимъ въ описаніи Кіевского замка XVI вѣка форму «Овдутья» (см. «Овдокья» ¹⁾), произноситъ слѣдующее совсѣмъ невѣрное утвержденіе: «Изъ современныхъ русскихъ говоровъ лишь великорусскіе имѣютъ собственные имена съ переходнымъ смягченіемъ гортаннымъ: Овдотья, Мартьянъ (=Маркіанъ)» и т. д. ²⁾.

Какъ я при самомъ цитированіи отмѣтилъ, всѣ эти утвержденія г. Соболевскаго силою не вѣрны. Въ отвѣтъ на его смѣлое заявленіе, будто «современные малорусскіе говоры не знаютъ смягченія *г* въ *д* ни въ «Дюрдній», ни въ однородныхъ словахъ», я ему укажу, что не далѣе какъ въ той же Кіевской губерніи, гдѣ лѣтописцы писали «Дюрдній», особый родъ ожерелья и теперь называется: или «Герданкі» (слово персидское), или «дюрданкі»; это же слово, кстати сказать, извѣстно и въ Галичинѣ въ видѣ двухъ чередующихся фонемъ: «герданъ» и «дюрданъ» ³⁾. Что касается появленія звука *д* специально въ имени «Георгій», то сверхъ Кіева мы это имя со звукомъ *д* находимъ какъ разъ лишь въ Галичинѣ, и оно тамъ сохранялось никакъ не меньше, чѣмъ до конца XV-го столѣтія. По крайней мѣрѣ въ буковинской грамотѣ 1471 г. мы еще встрѣчаемъ: «Диордія» ⁴⁾.—Равнымъ образомъ, если г. Соболевскій полагаетъ, будто «Овдутья» и «Мартьянъ» — это не по-малорусски, то я ему могу сообщить, что эти имена, со звукомъ *т*, и сейчасъ продолжаютъ существовать какъ въ Кіевщинѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ малорусской территоріи, къ западу ли, къ востоку ли отъ Кіевщины. Про имя «Овдотія» мы знаемъ, что въ XV вѣкѣ

1) Архивъ Юго-Зап. Россіи, VII, I.

2) «Лекціи» (изд. 1903), стр. 131.

3) Отмѣчено и словаремъ Желеховскаго; см. т. I, стр. 198, б. См. еще I, 168, со ссылкой на «Рокисіе» Кольберга I, 38, 40.

4) Грамота 1471 г. издана А. Кочубинскимъ въ 32-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова (СПб. 1892), стр. 249.

оно было въ семьѣ волынско-подольскаго князя Андрея Владиміровича (Ольгердова внука) ¹⁾; въ южно-русскомъ Дубенскомъ (т. е. волынскомъ) Евангеліи XVI в. Румянц. музея есть, какъ случайно проговорился самъ г. Соболевскій ²⁾, начертаніе: «Оудотій»; галичанинъ, чуждый всякаго русскаго вліянія, проф. Ом. Огоновскій, до такой степени свылся съ малорусскимъ именемъ «Авдотія», что считалъ его даже *исключительно* малорусскимъ (!), а не общерусскимъ ³⁾; укажу также, что пятнистая болотная рыбка, называемая въ южной Украинѣ «явдошкою», въ сѣверной Кіевщинѣ называется «овдютка» или «овдотка» (у галичанъ «авдотка») ⁴⁾. Также и по поводу имени «Мартьянъ» сообщу г. Соболевскому, что имя «Мартіянъ» (равно какъ и имя «Маркіянъ») онъ можетъ слышать на всемъ пространствѣ малорусской территоріи, — такъ же какъ и происходящую отсюда фамилію «Мартяненко».

Да и какъ можетъ быть иначе! Все это вѣдь — частичныя проявленія *общаго* фонетическаго малорусскаго закона, по которому мягкіе *т* и *д* (теперь во многихъ случаяхъ усиѣвшіе у малоруссовъ ужъ и отвердѣть) смѣшиваются съ *к* и *г* ⁵⁾. Заслуженный славяновѣдъ В. И. Ламанскій еще сорокъ лѣтъ тому назадъ подчеркнул эту малорусскую фонетическую особенность и обратилъ вниманіе на такіа малорусскія фонемы, какъ «кѣло» (=тѣло),

1) Въ 1446 году онъ пріѣзжалъ на богомолье въ Кіевъ и составилъ тамъ свою духовную, которую издалъ и Я. Головацкій въ своихъ «Памятн. диплом. и судебно-дѣлов. яз. рус.» (Львовъ 1867), стр. 60—62. См. тамъ стр. 61: «дочьцѣ своей княжнѣ Овдотіи». Подлинникъ — въ Румянцевскомъ музеѣ.

2) «Лекціи» (1903), стр. 131.

3) Ом. Ogonowski Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache (Львовъ 1880), стр. 65.

4) «Авдотка» вѣдь въ такой формѣ (т. е. исключенно) не встречается вообще у Малоруссовъ («Словарь», т. I, стр. 1).

5) См. въ моей «Украинской грамматикѣ» § 14, в. Въ силу, быть можетъ, нефонетическихъ аналогій чередоваться могутъ и *твердые* зубные съ твердыми заднеязычными, но сосѣдству съ плавными. Срв. еще въ Изборникѣ Святослава 1076 г.: «гѣргыи» (л. 90), гдѣ впрочемъ сочетаніе *гѣ* могло быть и полумягкимъ, и въ Супрасльской рукописи: «когратъ» (89,7). Срв. еще въ полабскомъ языкѣ: donda (=дѣла).

«кісто» (=тѣсто), «к'яжко» (=тяжко) ¹⁾, — и, дѣйствительно, у многих малоруссовъ (не исключительно въ предѣлахъ Кіевщины, но и въ другихъ мѣстахъ) эта особенность до того сильно выдѣлилась въ произношеніе, что у нихъ, передъ мягкими гласными, совсѣмъ стерлась разница между *к* и *т*; даже когда нарочно просишь ихъ произнести появственнѣе, напримѣръ, «тісний», «тісто» и т. п., они невольно произносятъ только «кісний», «кісто» ²⁾. Заимствовавши отъ турокъ слово «тебійетъ» (=природныя способности; арабск. طبعية), они его передѣляли въ «кебета» (что мы находимъ и у Шевченка). Въ Полтавщинѣ смѣшеніе заднебныхъ и зубныхъ распространено до того сильно, что авторъ новейшей полтавской «Короткой грамматики української мови» счелъ нужнымъ предостеречь своихъ читателей отъ употребленія такихъ «покрученныхъ» словъ, какъ «кісто» (=тѣсто), «кісний» (=тісний), «кля» (=для) ³⁾. Полтавская поговорка гласитъ: «Голова знає, та руки не клягнуть (=тянуть)» ⁴⁾. Городокъ Константинополь выговаривается полтавцами за «Косьянтиноградъ». «Гаківниця» (родъ пушки) произносится ими за «гамівниця» ⁵⁾. Деревянный стулъ называется въ Полтавщинѣ, Черни-

1) Ламанскій: О некоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, стр. 89.

2) Явленіе это наблюдалъ, между прочимъ, В. Н. Доманицкій (современный малорусскій писатель) въ произношеніи жителей села Капрай (по новому оно же—Троицкое) возлѣ м. Иркаѣва Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи. Это ужъ было мною своевременно указано въ «Филологическомъ и Погодинской гипотезѣ», стр. XIX. Извѣстный малорусскій писатель Б. Д. Гринченко сообщалъ мнѣ, что въ Богодуховскомъ и въ Харьковскомъ уѣздахъ Харьковщины онъ до того свыкъ съ мѣстнымъ произношеніемъ «кізо», «кісто» и т. п. (вм. «тізо», «тісто» и т. п.), что приходилось для контроля слѣдить и за своимъ собственнымъ произношеніемъ. Въ очень интересныхъ письмахъ крестьянъ къ нему, которые онъ обнародовалъ недавно въ журналѣ «Нова Громада» 1906, VII, мы встречаемся съ такими написаніями, какъ «запорожці прекісьняли» (стр. 56; см. примеч.).

3) П. Залозний: Кор. грам. укр. мови, Полтава 1906, стр. 15.

4) Записана въ с. Грунь Зѣньковского уѣзда. См. В. Василенко: «Опытъ толков. словаря народн. технич. терминологіи по Полт. губ.», Харьк. 1902 (отт. изъ 13-го т. «Сборн. Ист.-Филоз. Общ.»), стр. 77.

5) Срв. начертаніе «гамівниця» изъ полтавской Переяславщины—«Кіевск. Стар.» 1906, май—июнь, стр. 200. Твердость звука *т* (вѣдь слогъ «*ти*» надо читать здѣсь, какъ твердое *т*) объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мо-

говщинѣ и сѣв. Кіевщинѣ «дзіг'ликъ» (польск. zedlik, zedel = скамья, срв. нѣм. Siedel). Въ этомъ словѣ всегда слышится мгновенно-звонкое *г'*, но въ другихъ словахъ можетъ вмѣсто *д* одинаково слышаться какъ звукъ *г'* (лат. *g*), такъ и звукъ *з* (=h); напр. предлогъ «для» обращается въ Кіевщинѣ и въ другихъ мѣстахъ Украины безразлично то въ «г'ля», то въ «*з*ля», даже въ устахъ одного и того же лица. Подъ Звенигородкой Кіевской губ. неграмотные люди выражаютъ понятіе «жалостный» черезъ «граматичний» (=драматичный) ¹⁾, произнося это слово только со звукомъ *г*; но мѣстныя фамиліи «Гіенко» и «Горіенко» ²⁾, внесенныя съ буквою *з* даже въ официальные документы и, слѣдовательно, получившіе такой свой звуковой видъ давно уже, произносятся только съ *h*; обыкновенная же малорусская форма этихъ фамилій—«Діденко» и «Гороіенко». Тамъ же въ Звенигородкѣ Кіев. губ. очень извѣстная фамилія, пишущаяся «Маг-

ностонгъ *і* (изъ удлиннившегося *е*) выработался въ Переяславщинѣ очень недавно, а до того времени здѣсь произносили твердый дифтонгъ *уи*. По свидѣтельству Шафонскаго 1786 г. въ его «Топографич. описаніи Черниг. намѣстничества» (изд. въ Кіевѣ 1857, см. § 12 и § 5) оказывается, что даже въ концѣ XVIII вѣка переяславцы еще не успѣли выработать звука *і*, а произносили удлинненное *е* близко къ *у*. (Западные же малорусы, какъ извѣстно изъ памятниковъ, успѣли переработать дифтонгъ *уо*, *уи* въ монофоническое *і* еще въ XVI в. Кстати сказать,—въ противность утвержденію г. Соболевскаго, высказанному на стр. 313-ой «Извѣстій»,—всякій, кто знаетъ малорусскую диалектологию и исторію малорусскаго языка, обязанъ признать, что звукъ *і* выработался въ западномъ и въ восточномъ малорусскомъ нарѣчьи (въ Львовѣ и въ Кіевѣ) самостоятельно, независимо другъ отъ друга (поскольку можно говорить о полной взаимной независимости при постоянныхъ сношеніяхъ Львова съ Кіевомъ) и въ разное время въ разныхъ говорахъ. Правда, филологовъ, которые подумаютъ такъ, г. Соболевскій заранѣе исключаетъ изъ числа «ископаемыхъ образованныхъ лингвистовъ-диалектологовъ» (стр. 314, сноска). Но я не могу не сослаться на удальство и смелость автора въ разрядъ этихъ (по г. Соболевскому) «ископаемыхъ образованныхъ лингвистовъ-диалектологовъ», что уже нахожу въ ихъ числѣ незабвеннаго акад. Потебнію, создателя исторіи русскаго языка, и акад. О. Е. Корша, всемірного славяно лингвистики.

1) Записано мною между прочимъ отъ пастушки Свистіляничихи, живущей въ предмѣстѣи «Червоной». Однако «граматка» она произноситъ съ *h*, а не съ *г*. По ея объясненію: «граматичний—жалісливий».

2) Родомъ онъ изъ средней Кіевщины.

денко», сплошь да рядомъ произносится за «Мядьдэнко» (съ такимъ дъ, которое приближается къ й, но не есть й). Въ сѣверной и средней Украинѣ особая сумка называется какъ «кайстра» (=лат. *canistrum*), такъ и «майстра», — въ особенности на Полѣсьи. Вообще на Полѣсьи это явленіе—одно изъ самыхъ обычныхъ ¹⁾. Тамъ же на Полѣсьи вмѣсто «ковтинъ», «ковтнѣть» выговариваютъ «ковкинъ», «ковкнѣть» (= повел. н-іе отъ глагола «ковтнути» — «проглотить») ²⁾. Тамъ же на Полѣсьи, да и вообще во всей сѣверо-восточной Волини, спутались по этой причинѣ энклитическія частицы (союзы) «-ке» и «-те»; а такъ какъ онѣ, кстати сказать, часто произносятся тамъ съ расширеніемъ (кѣ и тѣ), то съ ними смѣшался еще и соединительный неэнклитическій союзъ та (= да, и) ³⁾. Имя одного мѣстечка въ Черниговщинѣ подлѣ Нѣжиномъ выговаривается и «Вернѣвка» и «Веркѣвка» ⁴⁾. Очень распространены и въ Кіевщинѣ и въ Черниговщинѣ формы «дяжл» и «яжл» вм. «дѣтл» (= дятель) и уменьшительныя «дѣжликъ

1) Известная украинская литературная семья Косачей (Леся Украинка, Елена Пчілка и др.) обратила мое вниманіе на то, что произношеніе типа «кѣзо», «кѣсто» слышится и у нихъ въ Новоградъ-Волинскомъ уѣздѣ, — напр., въ ихъ родномъ селѣ Колодяжномъ возлѣ мѣстечка Миронолье.

2) См., между прочимъ, и въ такомъ характерномъ по языку произведеніи, какъ «Співотини» полѣшука М. Семенюка (Житомиръ, 1872), стр. 23: «ковкинъ слинку».

3) Тамъ, напримѣръ, вмѣсто «йдѣть і ви-ке додому» говорятъ: «йдѣть і ви-те додому», чему, конечно, содѣйствуетъ и вліяніе глагольной аналогіи. (См. много примѣровъ на такое те въ рассказѣ Леся Украинки: «Приязнь» — въ «Кіевской Старинѣ» 1905, окт., стр. 13, 14, 15 и т. д.). Вмѣсто обычнаго «я та він» можно на Волини услышать: «я ке він» (черезъ промежуточную стадию: «я та він»), — явленіе, которое было отмѣчено (поименно, г. Коробкою) въ одномъ изъ номеровъ «Живой Старины». — Замѣчу мимоходомъ, что общемалорусскій союзъ и *virilis* «кабака» и «лабака» обязано своимъ появленіемъ повидимому не столько вліяніямъ семасіологическимъ, сколько фонетическому чередованію кѣ и тѣ. (Срв. и въ великорусскомъ нарѣчьи произношеніе этого слова со звукомъ е, а не только со звукомъ а. Даль: «Толковый словарь», т. IV, М. 1866, стр. 361).

4) См. корреспонденцію въ кіевской малорусской газетѣ «Громадська Думка», 1906, № 86, стр. 4, гдѣ оказываются параллельно обѣ формы. Еще ср. форму «Вернѣвка» (съ т) въ «Громадській Думцѣ» 1906, № 108 и № 159, и «Веркѣвка» (съ к) — въ ней же, № 190 и въ «Шершені» 1906, № 24.

и «якликъ» вм. «дѣтликъ»; а глаголь, означающій «назойливо ка-нячить», «долбить», произносится сплошь да рядомъ «яжлитъ» (вм. «ялтитъ», «дѣялтитъ») ¹⁾. Да и начальный слогъ этихъ существительныхъ и этого глагола (ја вм. дја) выразительно говорятъ о существованіи, прежде, промежуточной стадии: ял. Чередующаяся форма имени «Келимон» и «Телимон» (Пантелеймоуъ) извѣстна, съ обычной перегласовкой е на а, отъ Кіевщины до крайняго сѣверо-востока Слободской Украины (срв. какъ «Калимон», такъ и «Талимон» — у Квитки). Другой такой общезвѣстный примѣръ чередованія т и к — «стирта» и «скирта». Въ Кіевщинѣ существуетъ ругательство: «люкре!» (въ смыслѣ «безбожный», «безсовѣстный»), которому соответствуетъ западно-малорусское «лютре» ²⁾. — Въ судьбѣ звука д, обращающагося у малорусовъ въ звукъ г, можно отмѣтить даже кое-какое дальнѣйшее развитіе, а именно: въ виду того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевщины (и вообще восточной Украины) звукъ г произносится уже съ трудомъ, тамъ мы для замѣны звука д не разъ слышимъ уже не звукъ г, а близкій къ нему звукъ к; такъ, въ Кіевщинѣ вмѣсто «на-Дмѣтра» (т. е. «въ день св. Димитрія» = «на-Дмѣтра») говорятъ теперь: «на-Кмѣтра», а вмѣсто «маю на предметі» (тамъ на *przedmieście*) произносятъ: «маю на прекметі» ³⁾. — Что этотъ законъ о смѣшеніи мягкихъ т и д съ к и г есть вполне малорусская черта, не навѣянная изъ Великороссіи, это лучше всего доказывается рѣчью галицкихъ горцевъ-гуцуловъ, никогда

1) Фонема «яжл» печатно засвидѣтельствована черниговскими «Этнографическими матеріалами» Б. Д. Гринченка, на что онъ самъ любезно обратилъ мое вниманіе. Глаголь «яжлитъ» употребленъ черниговцемъ Помещикомъ при описаніи изъ писемъ въ М. 19153 его сборника: «Українська пригода, подорожжя і такъ и...» (Льв. 1904, стр. 238).

2) Это слово, собственно, значитъ «перейти въ лютеранство», первоначальный смыслъ котораго — «лютеранинъ» (срв. зап.-мр. «перейти на лютра» = перейти въ лютеранство).

3) Такъ какъ параллельно съ этимъ выраженіемъ имѣется равносильное ему другое: «маю на примѣті» (= на примѣтѣ), то взаимодействие обоихъ выражений привело къ образованію новаго существительнаго женск. р.: «прекметъ» (или «примѣтъ»), со значеніемъ «примѣта». Это новое существительное ж. р. вошло даже въ литературную рѣчь.

не знавших великорусского влияния. Такъ наз. «покутскій» галицкій говор эпистематически замѣняетъ каждое мягкое *д* на *г* (*гід, гівка*==дѣдъ, дѣвка), а каждое мягкое *т* на *к* (*кисто, в хакі*==тѣсто, въ хатѣ) ¹⁾.

Относительно звука *т* въ имени «Мартынь» надо впрочемъ оговориться, что онъ (въ противность категорическому утверждению г. Соболевскаго) можетъ объясняться вовсе не чередованіемъ звуковъ *к* и *т*. У насъ нѣтъ твердыхъ основаній думать, что имя «Мартынь» равносильно имени «Маркіанъ», а напротивъ есть основанія думать, что «Мартынь» есть сокращеніе имени «Мартиніанъ». По крайней мѣрѣ, въ февральской минеѣ XV вѣка (хранящейся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи № 584) подъ 13-мъ февраля (л. 130) оказывается житіе преподобнаго «Мартпана черноризца», въ этотъ день празднуется память св. Мартиніана, не Маркіана, и все помѣщенное тамъ житіе есть житіе именно св. Мартиніана.

IV.

«Затѣмъ», продолжаетъ г. Соболевскій свою статью, «въ Начальной лѣтописи (по западно-рускимъ Радзивиловскому и Академическому спискамъ) названіе рѣки въ Переяславской области, хорошо извѣстное въ Кіевѣ, звучитъ «Ольто», несомнѣнно изъ «Льто» (что сохранено Лаврентьевскимъ и Ипатскимъ списками). Въ немъ мы имѣемъ неорганическое *о*, появляющееся въ подобныхъ случаяхъ въ великорусскихъ и отчасти въ бѣлорусскихъ нарѣчіяхъ и не встрѣчающееся въ малорусскомъ (это неправда. *А. Кр.*). Оно могло войти въ старшіе списки лѣто-

1) Огоновскій: Studien, стр. 77. Множество примѣровъ можно найти въ матеріалахъ, издаваемыхъ Ученымъ Обществомъ имени Шевченка въ его «Етнографічному Збірнику».

писи, кіевскіе, лишь подъ влияніемъ живого произношенія, также кіевского, и изъ нихъ уже перейти въ списки не кіевского произноженія» ¹⁾.

Что «Ольто», съ призвукомъ *о*, есть очевидная черта старокіевского говора, въ этомъ г. Соболевскій, конечно, правъ. Но только ничего противомалорусскаго въ этой чертѣ нѣтъ. Г. Соболевскій долженъ былъ бы вспомнить, что и Волинь, малорусизмъ которой онъ ставитъ внѣ всякихъ сомнѣній, тоже передѣлала свой лѣтописный городъ «Вручий» (подъ 6485—977 г. и сл.) на «Овручъ» ²⁾. Дѣло въ томъ, что неорганическій призвукъ *о* вполне свойственъ малорусской рѣчи, что должно быть извѣстно каждому великоруссу, читавшему Гоголя и встрѣчавшему тамъ имена «Оксана» (= Ксенія) и «Одарка» (= Дарья). Объ этомъ г. Соболевскій могъ бы справиться въ популярной школьной грамматикѣ малорусскаго языка проф. Ом. Огоновскаго, гдѣ нашель бы приведенное, въ видѣ примѣра, «олика» (= лжа, ложь) ³⁾, а кромѣ того г. Соболевскій нашель бы объ этомъ свѣдѣнія въ общезвѣстной книгѣ того же проф. Огоновскаго, знакомство съ которой безусловно обязательно для всякаго, кто поднимаетъ діалектологическіе вопросы: Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache (Львовъ 1880). Въ этой книгѣ малорусскій при-

1) Извѣстія, указ. статья, стр. 319—320.

2) Теперь употребляется только форма «Овручъ» (съ призвукомъ). Но еще къ началу XVI вѣка свободно чередовались обѣ формы: съ призвукомъ *о*, и безъ призвука. Такъ, въ жалов. грам. 1496 г. великаго князя Александра наместникамъ Овруцкому и Звягельскому мы параллельно находимъ: «наместнику Вруцкому», «Вручей» — и «въ Овруцкомъ повѣте». То же въ спискѣ грамотъ его же 1496 г., изданнымъ въ кіевскую книгу кнѣзскую 1736 г. (№ 17, л. 30): «наместникъ Вручкий» — и «въ Овруцкомъ повѣте». Польская копія грамоты 1496 г. (№ 17, л. 30) даетъ: «наместникъ Вручкий» — и «въ Овруцкомъ повѣте». Польская копія грамоты 1496 г. (№ 17, л. 30) даетъ: «наместникъ Вручкий» — и «въ Овруцкомъ повѣте». Польская копія грамоты 1496 г. (№ 17, л. 30) даетъ: «наместникъ Вручкий» — и «въ Овруцкомъ повѣте».

3) Ом. Огоновскій: Грамматика [мало]-русского языка для школъ средних (Львовъ 1889), стр. 25, § 72. Слово «олика» вовсе не специально-галицкое: оно очень общино у Кулиша. Глаголъ «олгати» (несов. вида, вм. «лагати») фигурируетъ и въ думѣ про Азовскихъ братьевъ: «А будемъ ми, брате, передъ отцемъ, передъ маткою олгати» (Антоновичъ и Драгомановъ, т. I, стр. 119).

звукъ *О* отмѣченъ въ рубрикѣ: *Vorschlag von Vocalen* (стр. 54—55, § 14), причемъ приведены и кое-какія свидѣтельства памятниковъ (напр., овшейкы=вшейкы, укр. всенькі, — изъ галицк. грамоты 1457 г.), и подчеркнуты также такіе малорусскіе примѣры, какъ «оборігъ» (=польск. bróg), «ожеледь, ожеледця» (=желедница), «оселедецъ» (šledź) и др. Кроме того, стояло бы г. Соболевскому лишь слегка перелистать общедоступный «Малорусско-німецкий словарь» Желеховскаго (Львовъ 1886) въ отдѣлѣ буквы *О*, — и передъ нимъ воочию предсталъ бы длинный рядъ такихъ типичныхъ малорусскихъ формъ (типа «ожа»), какъ «оруть» (=руть); горно-гал. «обрва» (=брва, брова; бровь); гал. «орів» (=рив; очевидно при родительномъ «орва», украин. «рѣва»); «омшар» (=мшар; мѣсто, поросшее мхомъ); «орханці» (особыя желѣзныя колечки, — тоже, что «рханці», «риханці»); «ожидган» (кій; =персидско-тюрк. джиган, джуган, چوگان); «окпило» (=кпило; насмѣшливый обманщикъ); «ограшка» (пронич. названіе для лихорадки; =грашка, играшка), «ореля» (качель=реля) и множ. др.; заслуживаютъ вниманія названія двухъ горъ: «Опчіна» (=бчнина, бочка) и «Остих» (=пѣм. Stich; у Желех. «Гостих») ¹⁾. Полагаю, что всѣ эти выписки изъ школьных руководствъ и настольнаго словаря ²⁾ избавляютъ меня отъ необхо-

1) Придыханіе *h* есть, какъ извѣстно, вещь въ малорусскомъ языкѣ обычная, и она свидѣтельствуешь лишь о томъ, что неорганическій гласный призывокъ *о* въ томъ или другомъ словѣ появился давно. Срв. примѣры изъ Киевщины: «У пана він юправѣ рука» (=правая рука), и тамъ же, въ извѣстной кувальской пѣснѣ: «...Іванко лежить, в юправій руці Марійку держить» (=въ правой рукѣ). Иногда вмѣсто *h* призывокъ *о* снабжается призывкомъ *о*, какъ, напр., въ словѣ «оорвіаль» (нарывъ), — что отмѣчено и у Желеховскаго.

2) Предлагаю также раскрыть какой-нибудь номеръ кievской малорусской газеты, что дастъ мнѣ возможность въ одномъ изъ послѣднихъ №-овъ «Громадської Думки» (№ 69, стр. 3, столб. 2) напечатать вмѣсто «блискавку» (=молнію) форму съ призывкомъ: «облискавку», а въ другомъ номерѣ три раза находить «отрунокъ» вм. «трунокъ» (=животъ). См. № 90, стр. 2. Вмѣсто обычнаго «блакитъ» (=синева, польск. błękit) мы тамъ читаемъ «облакитъ» (№ 153, стр. 1, въ фельетонѣ). Въ одной изъ послѣднихъ книгъ журнала «Нова Громада» встрѣчаемъ, локально-полтавское «опорѣкъ» вм. «порѣкъ» (въ послесловіи: «Відність не опорѣкъ, 1906, июль, стр. 72). И т. п., и т. п.

димости засыпать г. Соболевскаго тою массою примѣровъ на малорусскій призывокъ *о*, которые я могъ бы предложить ему изъ своихъ личныхъ записей, собранныхъ въ Киевщинѣ ¹⁾.

V.

Покончивши съ якобы-великорусскими фонетическими особенностями Киевской лѣтописи (сплошь и сугубо малорусскими, какъ мы видѣли!), г. Соболевскій рѣшается усмотрѣть великорусизмы въ словарномъ запасѣ Киевской лѣтописи. Такихъ будто бы немалорусскихъ словъ онъ находитъ три. Онъ говоритъ:

«Начальная и Киевская лѣтописи пользуются: словомъ *старыйшина* съ позднѣйшимъ значеніемъ одного человѣка, между тѣмъ какъ малорусскіе говоры [въ видѣ «старшина»] употребляютъ его лишь въ древнѣйшемъ значеніи собирательномъ [это не такъ. *А. Кр.*]; — *зоря* въ значеніи: заря, между тѣмъ какъ малорусскіе говоры знаютъ его только [нѣтъ! *А. Кр.*] въ значеніи: звѣзда; — словомъ *лошадь*, чуждымъ [и это не такъ. *А. Кр.*] малорусскому нарѣчію ²⁾».

Изъ помѣтокъ, сдѣланныхъ мною въ скобкахъ, читатель уже видитъ, что утвержденія г. Соболевскаго не соответствуютъ дѣйствительности. Они свидѣлствуютъ только о практическомъ незнакомствѣ г. Соболевскаго съ самыми обыденными и частыми словами малорусскаго языка, а кроме того заставляютъ подумать, что онъ не знаетъ и «ячю» (ячю) — такъ не вѣрными утвержденіями, тогда какъ двѣ-три минуты справокъ, хотя бы просто по сло-

1) Въ моей «Украинской грамматикѣ» о неорганическомъ призывкѣ *о*, см. отдѣльную рубрику въ главѣ: «Пріемы малорусскаго благозвучія», § 42 и слѣд.

2) Извѣстія, указ. статьи, стр. 320.

варю, могли бы его избавить от неприятности компрометтировать себя.

Всякій малоруссь знаетъ, что малорусское слово «старшина» *всецьло* соотвѣтствуетъ кievскому лѣтописному «старѣйшина», во *всѣхъ* его значеніяхъ. Подобно тому, какъ въ языкѣ Кіевской лѣтописи слово «старѣйшина» значить: и начальство въ собирательномъ смыслѣ (срв. Лавр. сп., стр. 16: «рѣша старѣйшина»), и *одинъ* начальникъ (срв. Лавр. сп., стр. 38: «призва старейшину конюхомъ, — онъ же рече»), — такъ и въ современномъ малорусскомъ языкѣ *всѣхъ* мѣстностей слово «старшина» имѣетъ и собирательный смыслъ («уся старшина», — въ этомъ случаѣ оно ж. р.) и *единичный* смыслъ¹⁾. Беремъ, для примѣра, малорусскій переводъ ветхозавѣтной Библии²⁾, раскрываемъ его гдѣ-нибудь наудачу въ тѣхъ частяхъ, которыя переведены уроженцемъ коренной Кіевщины, извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ и великимъ сторонникомъ своего родного среднекievскаго говора Ив. Сем. Левицкимъ, — ну, хоть «Другу книгу Паралипоменон» на стр. 415-ой, — и сейчасъ же найдемъ: «зібрав Соломон старшини Ізрайлеві» (V, 2), «прийшли *ося* старшини Ізрайлеві» (V, 4). Посмотримъ книгу Эзры, въ переводѣ опять-таки Ив. Сем. Левицкаго, на стр. 455—456: «приступили до мене старшини» (IX, 1), «і встав Ездра й звелів старшинамъ по-клястись» (X, 5), «присудом старшини та начальниківъ» (X, 8), «наші старшини» (X, 14), «нехай приходять з ними старшини з кожного міста» (ibid.). Посмотримъ переводъ Евангелія — черниговца Кулиша, — и тамъ то же: «Ось приходитъ *одинъ* із *нѣсколькихъ* старшин, изъ *Амѣ Ниръ* (отъ Марка, V, 22), «приходять від *нѣсколькихъ* старшинъ» (срв. М. 22), «приходять *нѣсколькі* старшини» (V, 38), «старшини» (Лук., VIII, 41), «від *нѣсколькихъ* старшинъ» (ibid.,

1) См. въ моей «Украинской грамматикѣ» главу: «Родъ именъ существительныхъ», рубр. 8-ую.

2) Пользуюсь Вѣнскимъ изданіемъ 1903 г.

VIII, 49). Совершенно то же найдемъ и въ переводѣ воляинянки Леси Украинки: «дочку *одного* старшини»¹⁾. У полтавца Гр. Коваленка въ его «Оповіданняхъ з української старовини» мы множество разъ встрѣчаемъ: «козацькі старшини» (= им. множ.), «козацький старшина» (ед. ч. для *одного* лица), «обрати *новихъ* старшини», «на новий рікъ вибіралися наново старшини, а старихъ судили, а якъ вони були винні, то й карали», — наряду, конечно, съ «козацька старшина» (= собират.)²⁾. Итакъ ясно, что «старшина» можетъ означать по-малорусски и одного человѣка. Да достаточно было бы г. Соболевскому раскрыть «Малоруско-нѣмецкій словарь» галичанина Желеховскаго, т. II, стр. 916, и прочитаты: «Старшина — der Aelteste, Senior».

И слово «зоря», въ противоположность утвержденію г. Соболевскаго, значить по-малорусски не только «звѣзда», но и «заря». Примѣровъ на это могъ бы найти г. Соболевскій сколько угодно, въ области ли народной думы («Безпечно спать полягали — сьвітлової зорі дожидали; став божий сьвіт сьвітати — стали вони на коні сідати») — въ думѣ о побѣгѣ трехъ Азовскихъ братьевъ³⁾, въ области ли народной пѣсни («Вийшли в поле косарі — косить рано до зорі»), въ области ли народной поговорки («ні сьвіт, ні зорі»), въ области ли стихотворной литературной рѣчи (срв. «Блиснула зорі — білють поля» — у Кулиша въ «Досвѣткахъ»⁴⁾, въ области ли беллетристики («А стала зоря розсвѣтати... Катря й каже: Вже сонце, день» — у Марка-Вовчка въ «Трьохъ доляхъ»⁵⁾; наконецъ г. Соболевскій могъ бы узнать, что значить по-малорусски «зоря» просто даже изъ нагляднаго размѣщенія заглавной виньетки съ *восходящимъ солнцемъ* на извѣстномъ львовѣ.

1) См. Л. У. (Львів 1905), стр. 8, — въ серіи «Литературно-Наукова Библиотека», ч. 111.

2) См. журналъ «Рідний Край», 1906, № 29 (стр. 4—5) и слѣд.

3) Антоновичъ и Драгомановъ: Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. I (Кіевъ 1874), стр. 119.

4) См. по изданію 1876 г. (въ Кіевѣ), стр. 196, въ поэмѣ «Великі проводи», пѣсня 5-я, I.

5) По петербургскому изданію 1862 г., см. т. II, стр. 149.

журналъ «Зоря»¹⁾, который издавался «Науковим Товариством імені Шевченка» и довольно долго был литературным средоточіемъ всей малорусской литературы, или изъ виньетки тоже съ восходящимъ солнцемъ на журналъ «Зоря», который сталъ издаваться въ Россіи съ 1906 года послѣ отмены тридцатилѣтнихъ неслыханныхъ стѣсненій, давившихъ малорусскую литературу. Интересно, что виньетка на галицкомъ журналѣ «Зоря», согласно двойному значенію слова «зоря» въ малорусскомъ языкѣ, чередовалась: иногда это было восходящее солнце, иногда яркая звѣзда. Въ Львовѣ существуетъ ассоціація малорусскихъ ремесленниковъ, подъ наименованіемъ «Зоря»; по пѣмекѣ имя этой ассоціаціи переводится «die Morgendämmerung». Въ словарѣ Желеховскаго «зоря» переведено (сверхъ Stern): «Morgenröthe, Tagesanbruch, Аулога» (т. I, стр. 314).

Что касается третьяго слова: *лошадь*, употребленнаго въ Кіевской лѣтописи, то и здѣсь г. Соболевскій не имѣлъ бы ни малѣйшаго основанія видѣть великоруссизмъ, если бы зналъ отѣнки малорусской синонимки. Какъ разъ вѣдь дѣло стоитъ на оборотъ утвержденію г. Соболевскаго, и именно въ способѣ употребленія *этого* слова проявляется тонкая малорусскость Кіевской лѣтописи. Дѣло въ томъ, что для обозначенія тѣхъ животныхъ, которыя у великоруссовъ огульно называются общимъ именемъ «лошадей», есть въ Кіевской лѣтописи не одно, а *два* слова: славянское «кони» и монгольское «лошади» (это послѣднее слово вложено въ уста Владиміру Мономаху подъ 6611—1103 г. на Долобскомъ свѣдѣ по поводу лошадей смердовъ), причемъ эти слова означаютъ не одинаковыя по значенію лошади. Разница между ними

руссовъ и которая, напротивъ, и теперь сохраняется въ живой рѣчи той же сѣверной и средней Кіевщины и Черниговщины, гдѣ совершались лѣтописныя событія. Вѣдь въ великорусскомъ

1) Онъ былъ иллюстрированъ съ 1891 года.

нарѣчіи лошадьми могутъ называться всѣ equi, всякаго достоинства, — отъ жалкой клячи до молодцоватой кавалерійской лошади, до породистыхъ заводскихъ арабскихъ и англійскихъ лошадей. Не то въ Кіевской лѣтописи. Хорошія и обыкновенныя лошади называются тамъ исключительно «кони», «конѣ» (какъ и у современныхъ малоруссовъ «кони»), а вотъ заморенная лошадь *смерда* называется монгольскимъ терминомъ «лошадь». Это жъ и есть малоруссизмъ, потому-что и рѣчь современныхъ малоруссовъ строго сохранила упомянутую лѣтописную разницу между славянскимъ и монгольскимъ словомъ. Примѣняя терминъ монгольскій, современный малорусъ, подобно Владиміру Мономаху, влагаетъ въ него извѣстный отѣнокъ пренебреженія или снисхожденія, указывающій на нѣчто мелкорослое, слабое. Въ виду представленія о мелкорослости и слабости, включеннаго въ смыслъ этого слова, оно (т. е. монгольское «лошадь» съ родительнымъ «лошади») успѣло приурочиться у малоруссовъ къ формѣ уменьшительныхъ именъ съ суффиксомъ «ят»: жеребенокъ называется по-малорусски всюду «лоша» (род. п. «лошаи»), — лучшее доказательство малорусской исконности этого слова! Тотъ же отѣнокъ мелкорослости и слабосильности вложенъ и въ смыслъ другихъ родственныхъ малорусскихъ словъ этого корня: «лошупъ», «лошиця» (=лошаденка) и т. п.¹⁾. Въ Полтавщинѣ слово «лошиця» есть даже спеціальныи terminus technicus: такъ называютъ полтавцы кобылу по второму и третьему году, т. е. не совсѣмъ еще окрѣпшую. Въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Кіевщинѣ и на Волини) слово «лошиця», «лошичка» значить (сколько я наблюдалъ) просто лишь «лошаденка»²⁾.

1) См. перечень въ словарѣ Желеховскаго, т. I, стр. 414.

2) Срв., между прочимъ, употребленіе словъ «лошиця» и «лошичка» въ недавнемъ разсказѣ «Зажинки» Ворона-Вильчинскаго, изъ пограничья Волини и Подолии (Громад. Думка 1906, № 155).

3) Сверхъ Желеховскаго см. буковинскій словарь О. Поповича (Чернівці, 1904), стр. 130.

томъ о своей глубокой малорусской архаичности. Въ архаичныхъ говорахъ нынѣшнихъ «смердовъ» Черниговщины, «лошади» которой попали благодаря рѣчи Владимира Мономаха въ лѣтопись, можно услышать и ласкательно-увеличительное слово: «лошадюга».

Сверхъ этихъ трехъ словъ: «старѣйшина» (м. р.), «зоря» и «лошадь», г. Соболевскій не указываетъ больше ни одного якобы «великоруссизма» въ Начальной и Кіевской лѣтописи, но зато дѣлаетъ голословное подстрочное замѣчаніе: «Читающій Начальную и Кіевскую лѣтопись поражается близостью ихъ синтаксиса и словаря къ великорусскому матеріалу»¹⁾.

О какомъ «читающемъ» идетъ рѣчь? О такомъ ли, который подобно г. Соболевскому знаетъ только великорусское нарѣчіе, а малорусскаго не знаетъ?.. Или о такомъ, который основательно знаетъ оба нарѣчія? — Если рѣчь идетъ о второмъ, то я (природный малорусъ изъ Кіевщины, безукоризненно знающій свою родную рѣчь, и притомъ филологъ, кропотливо изучившій исторію малорусскаго языка) могу заявить, что близость кіевско-лѣтописнаго синтаксиса и кіевско-лѣтописнаго словарнаго запаса къ великорусскому матеріалу можетъ быть усмотрѣна лишь такая, какая вообще можетъ существовать между малорусскимъ и великорусскимъ синтаксисомъ и словаремъ.

Въ особенности поразительна первая половина утвержденія г. Соболевскаго: про синтаксисъ. Миѣ даже не вѣрится, чтобы г. Соболевскій хотѣлъ своими словами сказать, будто въ кіевской лѣтописи онъ нашелъ *спеціально-великорусскій* синтаксисъ. Такое заявленіе никогда не могло бы быть поддержано со стороны г. Соболевскаго реальными доказательствами. Повторю, что, зная очень твердо, какъ современный, такъ и старыи малорусскій языкъ, а въ частности рѣчь моей родной Кіевщины, я рѣшительно заявляю г. Соболевскому въ этомъ органѣ Академіи Наукъ, передъ лицомъ всего ученаго славянскаго міра, что

1) Извѣстія, указ. мѣсто, стр. 320.

г. Соболевскій не въ состояніи будетъ указать во всей Начальной и Кіевской лѣтописи ни одного синтаксическаго оборота, который былъ бы *спеціально* великорусскимъ и отсутствовалъ бы или въ современной или въ старинной малорусской рѣчи. А кто не помнитъ замѣчательной характеристики *стиля* кіевской лѣтописи великорусса Соловьева, который такъ рельефно отличается живой малорусско-сангвиническій стиль кіевской лѣтописи отъ сухого, дѣловитаго стиля великорусскихъ лѣтописей?!

Точно также, что касается словарнаго запаса старокіевской лѣтописи, то, какъ мы видѣли, г. Соболевскій могъ выудить въ лѣтописи только три якобы великорусскихъ слова, и тѣ при провѣркѣ оказались сугубо-малорусскими. Если же онъ ощущаетъ сходство отдѣльных (малорусскихъ) словъ кіевской лѣтописи съ отдѣльными словами, выхваченными въ раздробъ изъ того или другого великорусскаго нарѣчія, то не мѣшало бы г. Соболевскому имѣть въ виду, что *нѣтъ* такого великорусскаго нарѣчія, въ которомъ кіевско-лѣтописныя слова констатированы были бы въ большей или меньшей *совокупности*. Я же, малорусъ, наоборотъ поражаюсь замѣчательной *совокупной* близостью старокіевской рѣчи къ современной рѣчи сѣверной и средней Кіевщины. Множество предметовъ и понятій въ нынѣшней сѣверной и средней Кіевщинѣ XX вѣка до сихъ поръ сохранили огромной массой то же свое старинное названіе, какое они имѣли въ кіевской лѣтописи XI—XIII вѣка, — тогда какъ въ Великороссіи эти же слова (да и то далеко не все) если и можно разыскать, то развѣ по одиночкѣ, въ раздробъ: одно слово найдется въ одномъ великорусскомъ говорѣ, другое — въ другомъ; найдутся они въ говорахъ разнаго типа, въ отдаленныхъ другъ отъ друга говорахъ и употребляются въ *современныхъ* концахъ Великороссіи, а никакъ не суммарно и цѣльно въ одномъ какомъ-нибудь великорусскомъ говорѣ¹⁾. И вполнѣ очевидно для всякаго

1) При помощи *сборнато* «Толковаго словаря живого великорусскаго языка (со включеніемъ бѣлорусскаго)» Даля, очень не трудно натаскать изъ разныхъ великорусскихъ заимствовъ великорусскіи (= бѣлорусскіи!) слова, сходныя не

безстороннего судьи, что близость между лѣтописно-кіевскимъ словаремъ и тою великорусскою аггломератною словарной кучкой, которая *мозаично и разрозненно* будетъ надергана изъ совершенно неблизкихъ другъ къ другу разныхъ великорусскихъ говоровъ, не можетъ быть равной по цѣнѣ съ *массовою* близостью малорусскаго словарнаго матеріала современно-кіевскаго (сѣверной и средней Кіевщины) со словарнымъ матеріаломъ кіевско-лѣтописнымъ. Это надо сказать даже про категорію словъ, наиболѣе склонныхъ къ измѣненію: про названія домашнихъ предметовъ, названія животныхъ, растений, цвѣтовъ и т. п., которыя такъ поразительно сходятъ въ домонгольской Кіевщинѣ лѣтописной и въ малорусской Кіевщинѣ нынѣшней ¹⁾. И я сомнѣваюсь, чтобы *непредупрежденный* великоруссъ, видя съ одной стороны — *суммарную* близость старо-кіевскую и *пыльшину-кіевскую* (поразительную суммарную словарную близость!), а съ другой стороны — видя лишь *искусственно составленную* близость съ *великорусскимъ* словаремъ, достигнутую при помощи *мозаичныхъ* надергиваній изъ Даля или изъ старорусскихъ «Матеріаловъ» Срезневскаго, согласился признать въ старо-кіевскомъ словарѣ свое великорусское достоинство. Я убѣжденъ, что, въ виду такого положенія дѣлъ, какая-нибудь кіевско-лѣтописная «котька», сидящая на «присѣпѣ» и умильно глядящая на «голубыньку», пока не будетъ облита *укропомъ* изъ *глыки*, или вспугнута «хъртъ»-омъ, покажется для безтенденціознаго великорусса не великорусской кошкой, а предкомъ нынѣшней кіевской «кітки», сидящей на

сѣвѣ съ малорусскими, но и съ другими славянскими, — скажемъ, даже болгарскими. Даже буди на хозодномъ сѣверѣ можно выудить даже такое, казавшееся бы чуждымъ, слово, какъ «гольмъ» (=большой); срв. нитское «гольмъ» (шляхетскій, богатый).

1) И нѣтъ въ виду главнѣйшаго образомъ только то пространство нынѣшней Кіевской губерніи, которое тянется лишь до р. Роси, служившей и въ старину южнымъ предѣломъ Кіевского Полянскаго княжества. Южнѣе же р. Роси нынѣшнее малорусское населеніе — ужъ пришлое, происходящее не только изъ средней и сѣверной Кіевщины, но и съ запада. Самое нарѣчіе къ югу отъ р. Роси кое-гдѣ-чѣмъ ужъ отличается отъ нарѣчія средней и сѣверной Кіевщины, являющагося чистымъ потомкомъ стараго полянскаго.

«присѣпѣ» и глядящей на «голубыньку» (=голубятникъ). «Гълькъ» ¹⁾ окажется современнымъ кіевскимъ «глемомъ» (=кувшиномъ) и «укропъ» — не огороднымъ растеніемъ (какъ прежде всего склоненъ былъ бы подумать нынѣшній великоруссъ), но просто кн-пяткомъ (что легко можетъ разъяснить любая сельская баба изъ Кіевщины); а кіевско-лѣтописный «хъртъ» будетъ для безтенденціознаго великорусса несомнѣннымъ предкомъ нынѣшнихъ кіевскихъ «хортівъ» (=охотничьихъ собакъ), который и въ X—XII вѣкѣ, какъ и его малорусскій потомокъ-«хортъ» теперь, устраивалъ «ловы» (=мр. «ловн», т. е. охоту) на «погану котьку» (=мр. «погану кітку»), словно на «овверицію» (=мр. «вивірицію», т. е. бѣлку). Пусть великоруссъ посмотритъ и на вышній обликъ «господаря» (мр. «господаръ» = хозяинъ) этого лѣтописнаго «хорта»: пусть посмотритъ на старокіевскаго княжескаго «меченошу» (мр. «меченѣша» = меченосецъ), въ роскошной «лудѣ» (мр. «луда» = Deckmantel, или мр. «луданъ» = mit Gold reich gesticktes Unterkleid); у такого «меченоши» за синіей пли у бока найдется, пожалуй, и «топоръ» (мр. «топір» — особое оружіе оплетенный у рукояти для удобства «наворозами» (мр. «навороза», «новороза» = шнурокъ) ²⁾. А что это за лѣтописный «топоръ», объ этомъ могутъ разсказать даже нынѣшніе обезоруженные малоруссы «козацкаго сословія» съ сѣверной стороны Кіева, но еще лучше будетъ справиться у горца-гуцула, который вамъ съ полной точностью и наглядностью объяснитъ, какое это оружіе — лѣтописный «топоръ» и нынѣшній малорусскій «топір» (персид. تبر): какъ ни какъ, его надо всежъ отличать отъ дровосѣцкаго оружія «сокири» (лѣтоп. «сѣкыра», «секира»), которой *тѣлися* лѣтописцы «присѣпѣ» и рубятся (мр. «тнується») соврем. малорусскія «триски» (=щепки). Про послѣднія («триски») можно было бы навѣрное справиться вонъ-тамъ за кіевской лѣтописной

1) Беру это слово изъ Несторона «Житія Θεодосія Печерскаго».

2) Интересно, что и по-малорусски и по лѣтописно-кіевски слово «навороза» есть женскаго рода, тогда какъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ оно попадаетъ, сколько извѣстно по словарямъ, лишь въ мужескомъ родѣ.

станеть, тотъ сейчасъ начинаетъ дремать и уходитъ изъ церкви въ келью. Этотъ лѣтописный разсказъ¹⁾ общезвѣстенъ, но никто до сихъ поръ изъ русскихъ ученыхъ не далъ разъясненія, что это за «лѣпокъ»²⁾, потому-что никакой цвѣтокъ нигдѣ въ Великороссіи, ни въ одномъ великорусскомъ нарѣчій, не называется «лѣнкомъ», а къ рѣчи современныхъ кievскихъ малоруссовъ обратиться не догадались. Въ современной же Кіевщинѣ (какъ впрочемъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Украины) «лѣпокъ» — это *Asperula* (растение изъ семьи Rubiaceae, научно переводимое по русской книжной ботанической терминологіи словомъ «шерошница»). «Лѣнкомъ» въ Кіевщинѣ называется — какъ грубая *Asperula Aragine* (по-великорусски «сеплюга», по-польски *ost-gzusa*), такъ и пріятная *Asperula odorata* (по-великорусски «ясменникъ», или «есмянникъ», по-польски *marzanka wonna*)³⁾. Судя по лѣтописному контексту, обаятельный «лѣпокъ», находившійся у бѣсовскаго ляха «в принолѣ», былъ *Asperula odorata*, т. е. ясменникъ.

1) См. въ Лаврент. сп. стр. 184—185 (подъ 6582 г. = 1074); въ Ипат. сп. стр. 134. Въ Печерскомъ Патерикѣ, по изданію В. Яковлева (1872), см. стр. 77—78.

2) Такъ, словарный указатель предметовъ, приложенный къ археологическому изданію Лаврентьевскаго списка (подъ ред. акад. Бычкова), объясняетъ: «Лѣпки — приворотное зелье» (стр. 53). — Такой же указатель къ изданному той же Археологической комиссіей Ипатьевскому списку гласитъ: «лѣпокъ — цвѣтокъ» (стр. 6). — Неподписанное московское переизданіе: «Лѣтописи преп. Нестора по Лаврентьевскому списку съ приложеніемъ словаря древнихъ русскихъ словъ» (М. 1864) совсѣмъ пропускаетъ въ словарь (на стр. 168) слово «лѣпокъ», какъ неподдающееся точному разъясненію. — Очевидно по той же причинѣ не вошло оно и въ «Матеріалы для словаря древне-русского языка» А. Дюбуа (М. 1894), стр. 32. Въ «Матеріалахъ для словаря древнерусского языка» Н. Срезневскаго находимъ то же слово «лѣпокъ» на стр. 111.

3) Въ «Малорусско-німецкѣмъ словарѣ» галичанина Желеховскаго слово «лѣпокъ» переведено только: *Asperula odorata*. Но я изъ личнаго опыта знаю, что въ Кіевщинѣ «лѣнкомъ» называется не только *Asperula odorata*, но и *Asperula Aragine*, въ особенности чѣмъ дальше къ югу, къ степямъ. (А начиная съ границы Херсонской губерніи и далѣе по южной степи душистая *Asperula odorata* перестаетъ даже называться «лѣнкомъ», и называется тамъ она ужъ «остудники» (такъ же «есмялка»); подъ «лѣнкомъ» тамъ понимаютъ ужъ одну грубую *Asperula Aragine*).

VI.

Свои замѣтки о мнимой малорусскости Начальной и Кіевской лѣтописей г. Соболевскій заканчиваетъ заявленіемъ, что имъ «чужды обычныя малорусскія слова, какъ *кохати*, *гай*, *каптъ* (съ к)».

Но въѣдъ словъ *кохати* и *каптъ* нѣтъ также ни въ галицко-волинской лѣтописи, ни въ галицкихъ и волинскихъ грамотахъ и ни въ одномъ удостовѣренномъ старо-галицкомъ или старо-волинскомъ памятникѣ, — и однако даже г. Соболевскій не рѣшается сдѣлать отсюда выводъ о непринадлежности старыхъ галичанъ и волянъ къ малоруссамъ. Надо, конечно, полагать, что и *кохати* и *каптъ* издавна существовали какъ въ старомъ Кіевѣ, такъ и на Волини съ Галичиною, но они не попали въ лѣтописи, въ грамоты и вообще на письмо въ силу чисто случайныхъ причинъ. Вѣдь не весь словарный домонгольскій матеріалъ старой Кіевщины съ Черниговщиною, Волини и Червонной Руси переданъ намъ тѣми немногочисленными письменными памятниками, которые до насъ дошли.

Намекъ на слово *кохати*, отсутствующее въ подлинныхъ галицкихъ и волинскихъ памятникахъ, г. Соболевскій видитъ въ собственномъ имени *Коханъ* писца «Житія Савы Освященнаго» XIII в. и произвольно называетъ рукопись этого житія «галицко-волинской». Если мы даже согласимся съ г. Соболевскимъ, что собственное имя писца есть въ самомъ дѣлѣ, страдательное причастіе отъ «кохати»²⁾ и притомъ не принадлежитъ къ разряду тѣхъ именъ, которые усвоены отъ поляковъ, то и тогда г. Соболевскій долженъ будетъ сперва доказать, что «Житіе Савы Освященнаго» было галичанинъ или волянъ. Ру-

1) «Извѣстія», 1905, кн. 1, стр. 320.

2) Это имя легко можетъ быть простой передѣлкой общезвѣстнаго тюрко-хазарскаго *خاتان* или *قاغان*, извѣстнаго еще въ орхонскихъ надписяхъ.

копий эта найдена въ Палестинѣ, и въ ней ни слова не сказано о томъ, кто и откуда былъ ся писецъ. Всѣ филологи, кому приходилось имѣть дѣло съ нею, въ одинъ голосъ заявляютъ, что это не можетъ быть памятникъ ни галицкій, ни волинскій¹⁾. Пока г. Соболевскій не докажетъ противнаго, ссылаться на этотъ спорный памятникъ для рѣшенія какого бы то ни было спеціальнаго вопроса о рѣчи галичанъ и воляинянъ—не приходится.

Но если для слова «кохати» г. Соболевскій счѣмъ предложить ссылку хоть на какой-нибудь сомнительный документъ, представляющій хоть нѣкое отдаленное подобіе аргумента, то по отношенію къ слову *копѣ* онъ даже и этого сдѣлать не могъ: нѣтъ такихъ старыхъ галицкихъ или волинскихъ памятниковъ, гдѣ бы попалось это слово съ буквою *к*. Мы впрочемъ не понимаемъ, почему слово *копѣ*, присущее и нарѣчію бѣлорусскому²⁾ и великорусскому (исковск., тульск., смоленск., курск., воронеж.)³⁾, въ данномъ случаѣ списходительно признается г. Соболевскимъ за достаточную мѣрку для установленія немалорусскости той рѣчи (= кievской), въ памятникахъ которой это слово не окажется (хотя бы случайно). Когда дѣло касается наличныхъ малоруссизмовъ стараго Кіева, г. Соболевскій не behaves такимъ уступчивымъ. Или, быть можетъ, онъ не зналъ, что слово *копѣ* существуетъ въ великорусскихъ говорахъ?

Еще большее недоумѣніе возникаетъ у насъ по поводу той рѣшающе-діалектологической роли, которую г. Соболевскій придаетъ слову *гай*. Оно извѣстно всѣмъ безъ исключенія славянскимъ языкамъ, и великорусскому въ томъ числѣ⁴⁾. Микло-

1) Они готовы отнести его къ Кіеву, но это невозможно, потому что «Житіе Савы Освищеннаго» содержитъ въ себѣ черты, рѣзко противорѣчащія языку безспорныхъ *исковскихъ* памятниковъ—Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 г. Тщательное изученіе «Житія Савы» не оставляетъ по мнѣ ни малѣйшихъ сомнѣній, что переписчикъ былъ бѣлорусъ.

2) Старѣйшій бѣлорусскій документальный примѣръ—вѣроятно, тотъ, который имѣется въ спискѣ «Привилей 1499 г. мѣсту Менскому». (= № 68 въ Мухановскомъ сборникѣ, М. 1836): «кѣѣтъ мушкатовын» (стр. 96).

3) Толковый словарь Даля, 1865, т. II, стр. 719.

4) Словарь Даля, т. I, стр. 301 (1863 г.).

шичъ въ своемъ этимологическомъ словарѣ съ полнымъ основаніемъ называетъ это слово старо-славянскимъ¹⁾. Къ нему есть параллель и въ литовскомъ *gojus*, и во многихъ европейскихъ языкахъ, и въ средневѣковой латыни²⁾. Не можетъ быть сомнѣнія, что это праславянское слово, донинѣ распространенное отъ Адриатическаго моря до Тамбова, было извѣстно и старому Кіеву. Но, только, какую же рѣшающую силу для выясненія этнологіи древняго Кіева можетъ оно имѣть?

VII.

Собственно вотъ и все, что я долженъ былъ указать г. Соболевскому по поводу его сомнѣній на счетъ малорусскости старокіевскаго *домомольскаго* говора. Но въ статьѣ г. Соболевскаго есть еще одна, небольшая глава, посвященная двумъ кievскимъ монастырскимъ помянникамъ періода ужъ не домонгольскаго, а гораздо болѣе поздняго: конца XVI вѣка. Суть этой главы—въ томъ, что на спорадическихъ формахъ нѣсколькихъ именъ какъ-бы великорусскаго и бѣлорусскаго типа, внесенныхъ въ помянники какимъ-то монахомъ или богомольцемъ, которые могли придти въ Кіевъ на поклонъ отовсюду и которые, въ томъ числѣ, могли конечно придти и изъ Бѣлоруссіи и изъ Великоруссіи, г. Соболевскій хочетъ построить доказательство, будто даже въ концѣ XVI вѣка Кіевъ не былъ еще малорусскимъ. Между тѣмъ общій фонъ кievскихъ помянниковъ—рѣзко малорусскій, и пишутъ они снѣжнѣею малорусскими именами.

Ужъ съ этой снѣжнѣею-диалектической стороны этотъ приемъ г. Соболевскаго не выдерживаетъ критики. Мало ли вѣдь изъ

1) Etymologisches Wörterbuch, стр. 59.

2) Срн. Leges Langobard., Bothar. CCCXXV: «Si quis accipitres de silva alterius tulerit, excepto de gajo regis, habet sibi». См. у Срезневскаго: «Матеріалы изъ древне-русс. слов.», т. I, стр. 508.

какихъ концовъ православнаго міра могли приходить богомольцы на поклонъ славнымъ кievскимъ святынямъ и даже поступать въ монастыри¹⁾! И можно ли по именамъ пришедшихъ богомольцевъ, записывающихся въ помянникъ или по записямъ монаховъ «зъ Москви» (какъ они титулуются въ кievскихъ помянникахъ) заключать объ этнографической принадлежности коренного кievскаго населенія? А на какомъ языкѣ говорило тогдашнее коренное кievское населеніе, объ этомъ мы легко можемъ судить по подлиннымъ тогдашнимъ памятникамъ изъ Кіевщины: они — малорусскаго характера. Достаточно вспомнить грамоту кievскаго князя Семена Озельковича, писанную въ Прилукѣ за Днѣпромъ въ 1459 году²⁾. Получилъ ее мѣстный землевладѣлецъ Іеремія Шашко для «зоставленья» его при «всюи отчизнѣ его и дидизнѣ его», «которыхъ (такъ говоритъ князь) продкове его отъ продковъ моихъ спокойне держали и заживали». Грамота эта полна типичныхъ малоруссизмовъ, такихъ какъ замѣстительная долгота («при всюи», «при томъ всюмъ», «ѣнъ» (= онъ), смѣшеніе *ы* и *и* («онимъ», «малимъ», «дидизни» = дѣдизны), смѣшеніе *ѣ* и *и* («дидизнѣ», «завишентемъ»), смѣшеніе *и* и *оу* («оупадаетъ» вмѣсто «падаетъ»), протетическій призвукъ *и* («изъ лѣсомъ», «изъ головою», «изъ стѣнъками»), такіа формы, какъ «боудеть хотѣвъ», «ознаймуемо», «дали есмо», «съ обудвухъ», «зо всѣмъ тымъ» и т. п. Какъ видимъ, вокругъ Кіева жили тогда чистѣйшіе малоруссы.

Располагая такими достовѣрными памятниками, какъ грамоты, которыя свидѣтельствуютъ о малорусскости тогдашней Кіевщины³⁾, мы могли бы не придавать ни малѣйшаго значенія

1) Мы очень часто находимъ въ этихъ кievскихъ помянникахъ совершенно ясныя обозначенія: «Анисіи з Москви», «Агрипины Московки», «Евдокіи, иноки з Москви, з столицы», «Совіи инокини з Москви», «Аоанасіи, иноки з Москви», Семіона Москаля, «іеромонаха Аоанасіа (Лексей Московский) и пр., и пр.

2) Срв. о ней у меня въ «Филологіи и погодинской гипотезѣ», стр. 82.

3) Перечень ихъ см. въ моей «Украинской грамматикѣ», § 7, и слѣд. въ главѣ: «Источники».

богомольческимъ помянникамъ XVI вѣка, содержи они въ себѣ даже наполовину имена немалорусскія. На самомъ дѣлѣ однако помянники вовсе не избилуютъ антмалоруссизмами. Самъ г. Соболевскій не оспариваетъ того, что *общій* фонъ кievскихъ помянниковъ есть малорусскій. И даже тотъ коротенькій перечень именъ, который выуженъ изъ него г. Соболевскимъ въ качествѣ именъ типа великорусскаго или бѣлорусскаго, составленъ имъ ошибочно: плохо зная малорусскую рѣчь и ея фонетику, г. Соболевскій отнесъ къ немалорусскимъ имена, являющіяся вполне обычными вообще у малоруссовъ, а въ частности — очень употребительными и въ Галичинѣ (съ Подоліей), исконную малорусскость которой никогда и г. Соболевскій не рѣшался оспаривать. Такими вполне малорусскими именами (а не бѣлорусскими и не великорусскими, какъ того желалъ бы г. Соболевскій) оказываются:

а) Алексей — со звукомъ *е*. Прошу взять любую галицкую малорусскую газету — и убѣдиться, до чего имя «Алексей» обычно у галицкихъ малоруссовъ. Для примѣра беремъ какіе-нибудь номера газеты «Русланъ» за нынѣшній 1906 годъ; въ № 31-омъ читаемъ: «Алексей Лебедович — в с. Манастирі, Ярославскаго деканату» (стр. 4); въ № 58-омъ: «Ходить чутка, що Алексей тяжко занедужавъ» (стр. 4). Объ аналогичномъ малорусскомъ имени «Макей» (= Мокій) мы скажемъ ниже. То же легко найти въ «галицко-волинскихъ» рукописяхъ. Напр., въ волинской записи 1740 г. изъ-подъ Острога, типично-простонародной малорусской (о изображается черезъ *ѣ*!), сдѣланной на Язловецкомъ евангеліи Волинскаго епарх. музея, мы читаемъ: «при Алексю Манастирѣ» (л. 113 об.).

б) Имена со звукомъ *л* вмѣсто *е*, — такіа, какъ «Елутухъ» вмѣсто «Естухъ» и «Елхимъ» вмѣсто «Еохимъ». Въ кievскомъ помянникѣ XVI в. оказываются записи: «Елутуфій», «Елхимъ» и «Елфимія», — н г. Соболевскій вспоминаетъ при этомъ, что «это *л* изъ *о* нерѣдкость въ южно-великорусскихъ говорахъ Орловской

и Курской губерніи, гдѣ говорятъ: Алдотья, Алдакея, Алдакпмъ»¹⁾. Не къ чему вспоминать *аналогичныя* великорусскія имена со звукомъ *л*, если мы находимъ у малоруссовъ со звукомъ *л* *тѣ самыя* имена, которыя приведены въ кievскомъ поминикѣ. Достаточно было бы г. Соболевскому вспомнить мѣстечко «Ялтушків» Подольской губерніи недалеко отъ г. Бара, чтобы убѣдиться въ полной малорусскости именъ со звукомъ *л* изъ *о*. По грамотамъ имя «Елтухъ» можно констатировать впервые въ перемышльской (галицкой) жалованной грамотѣ якобы кн. Льва 1302 г., поддѣланной въ Перемышлѣ не позже XV вѣка (когда эта грамота была официально подтверждена польскимъ правительствомъ): «до Юлтуховы росохы», «отъ Юлтуховы». Имя «Елхмъ» впервые попадаетъ (сколько помню) въ малорусской Кобринской грамотѣ 1465 г.²⁾ Появленіе у малоруссовъ XV—XVI в. звука *л* вм. *к* мы по документамъ можемъ констатировать не только въ этихъ двухъ именахъ собственныхъ, но и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ Луцкомъ (=зап.-волинск.) актѣ 1583 года³⁾ вторникъ названъ «волторокъ» (=соврем. «вівторок»). Мы ужъ и не говоримъ о нефонетическихъ случаяхъ появленія звука *л* въ причастіяхъ и дѣепричастіяхъ прош. вр. въ малорусскихъ памятникахъ XVI вѣка. Такъ, въ Четвероевангеліи XVI в. изъ м. Язловца (въ Галичинѣ), которое теперь хранится въ Волинскомъ епарх. музеѣ, очень нерѣдки написанія вродѣ слѣдующихъ: «послѣди же приступилише два лѣжасвѣдители рѣша», «приступилише стоящіи рѣша», «они же приступилише», «и оставилиша его отидоша», «тогда ученици оставилише его бѣжаше», «многимъ лѣжесвѣдителямъ приступилишимъ» и пр., и пр.

в) Имя «Малафей», или «Малофей» (=Малахія), съ написаніемъ *ѣ* вмѣсто *х*. По мнѣнію г. Соболевскаго, это—великорус-

1) «Извѣстія», стр. 321.

2) Кобринская грамота 1465 г. изд. въ «Актахъ, относ. до исторіи Южн. и Зап. Росс.», т. I, № 226, въ копіи XVI вѣка.

3) «Русская Бесѣда», 1857, т. III, 37.

сизмъ и антимальоруссизмъ. По вѣдь такую же орфографію мы находимъ и въ галицкихъ грамотахъ: «Малоѣй»—въ запродажной грамотѣ 1409 г., «Малоѣй»—въ Зудековской грамотѣ 1421—1430 г. Обѣ грамоты изданы печатно¹⁾, и познакомиться съ ними было бы не трудно. Вообще малоруссы, какъ въ старину, такъ и теперь—часто пишутъ въ иностранныхъ словахъ букву *ѣ* вмѣсто *х* въ силу стремленія писать якобы этимологично и изъ страха впасть въ вулгаризмъ. Писецъ-священникъ Галицкаго Евангелія 1266—1301 г. обратилъ на письмѣ г. Ерихонъ въ «Ерифонъ» (л. 66, л. 101 об.) и Амфилохія—въ «Амфилоѣя» (л. 156). Въ рукописи XVII вѣка кievскаго Софійскаго собора (№ 130) боязнь вулгаризма заставила писца написать *ѣ* даже въ своемъ родномъ корнѣ «страхъ»: «велми грозно страфовалъ» (л. 158; = запугивалъ).

г) «Саламонъ» и «Саламія». Звукъ *а* (вмѣсто *о*) въ этихъ именахъ чрезвычайно употребителенъ въ малорусскомъ произношеніи въ силу уподобленія предыдущему слогу, а вовсе не есть признакъ аканья, какъ думаетъ г. Соболевскій. Срв. въ рукописномъ галицкомъ сборникѣ виршей около 1780-го года, принадлежащемъ Ив. Франку: «Саламона-князя»²⁾. До настоящаго времени въ Галичинѣ преобладаетъ въ этомъ имени употребленіе звука *а*, а не *о*. Извѣстенъ недавній галицкій церковный дѣятель Саламонъ Щасный. — Не есть результатъ аканья также присутствіе буквы *а* въ записи поминника: «Евдакимъ» и «Евдакѣя», потому что въ самыхъ чистыхъ малорусскихъ говорахъ мы можемъ донынѣ слышать не только «Явдокімъ», но и «Явдакімъ» (по ассимиляціи второго слога съ начальнымъ слогомъ), причѣмъ имѣется также уменьшительная форма съ ударнымъ звукомъ *а* (Евда́к, Явда́к)³⁾, устраняющая всякую мысль объ аканьи.

1) См. по изд. Головацкаго № 30 и № 40.

2) См. «Житє і Слово» 1894, кн. I, стр. 47.

3) См. «Рідний Край», 1906, № 44, стр. 14.

д) «Сафонъ», «Макей», «Раднонъ», «Фатіанъ». Буква *а*, написанная помянниками въ этихъ именахъ, тоже не есть признакъ аканья, въ противность мнѣнію г. Соболевскаго. Первое имя обличено съ «Юасафъ», второе—приурочено къ словамъ «макъ» и «Маковей», третье—къ словамъ «радъ», «радѣти», четвертое—къ корню «хвать», — и въ нихъ самые чистые малоруссы донынѣ произносятъ *а*. Отъ «Макей» существуетъ даже особая типичная уменьшительная форма «Макейша» и, извѣстная на Подольѣ, фамилія «Макейшенко»; срв. документъ крестьянина-собственника Брацлавскаго уѣзда Подольской губерніи Ковалѣвской волости—Ивана Макейшенко¹⁾; звукъ *е* въ этомъ имени, представляющійся г. Соболевскому немалорусскимъ, какъ видимъ, оказывается тоже вполне малорусскимъ²⁾. Написание «Фатіанъ» съ буквою *а* можемъ указать въ галицкомъ сборникѣ апокрифовъ XVII вѣка изъ коллекціи И. Франка³⁾. Въ имени «Радивонъ» употребленіе малоруссами звука *а* можетъ считаться даже всецѣло господствующей нормою, и, напримѣръ, село Чигиринскаго уѣзда, официально пишущееся «Родіоновка», называется жителями «Радивонівка». Со звукомъ *а*, а не съ *о*, это имя фигурируетъ ужъ и въ наиболѣе старыхъ дошедшихъ до насъ галицкихъ грамотахъ. Такъ, въ Перемышльской купчей грамотѣ 1359 года читаемъ: «Купилъ нашъ Петрашъ дѣдицтво нашны Радивоньковоѣ»⁴⁾. — Что звукъ *а* въ этомъ имени (и въ

1) Изданъ П. Чубинскимъ въ VI томѣ «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», Спб. 1872 г., стр. 312—313.

2) Да и вообще многіе малорусскіе имена (и слова) обладаютъ двумя параллельными формами на *й* и *ей*. Сверхъ упомянутыхъ здѣсь «Макей» и «Олекса» параллельно съ ними обиходными именами. Такъ, напримѣръ, «Андріанъ» параллельно съ «Андрѣй» (род. «Андрей»), «Макей» (род. «Маковей») параллельно съ «Маковей» (род. «Маковей») и пр.

3) См. по изданію И. Франка: «Пам'ятки українсько-руської мови і літератури», т. IV (Львів 1906), стр. 276.

4) Грамота и печатно издана,—плоховато впрочемъ,—у Як. Головацкаго: Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго (Львовъ 1867), № II, стр. 5, и у П. Житецкаго: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія (Кіевъ 1876), стр. 353.

аналогичныхъ) не есть результатъ аканья, видно также изъ памятниковъ окаяющихъ нарѣчій великорусскихъ; «Радивонъ» и прочія подобныя имена встрѣчаются въ Новгородскихъ и Двинскихъ грамотахъ XIV вѣка¹⁾.

е) Ничего противомалорусскаго не содержатъ въ себѣ также имена кievскихъ помянниковъ, начинающіяся на *А*: Аксенья (или Аксинья), Авдотья, Алиферій (и специальнѣе — «Алеоерь зъ Острия»), Анофрей, Анисимъ, Анисифоръ и тому подобныя имена, въ которыхъ начальныи звукъ *А* или оказывается эвфоническимъ протезисомъ (срв. Аксенія — Ξενία), или соответствуетъ греческимъ *Е* и *О* (срв. Алеоерь — 'Ελευθέριος, Анисимъ — 'Ονήσιμος). Г. Соболевскій многократно повторяетъ²⁾, будто бы начальное *А* этихъ именъ есть результатъ великорусскаго аканья. Аканьемъ это не могло бы быть ужъ просто потому, что аканье, какъ признаетъ самъ г. Соболевскій³⁾, возникло лишь въ XIV вѣкѣ, — между тѣмъ вышеотмѣченное появленіе начальнаго *А* мы можемъ наблюдать еще въ памятникахъ XI вѣка. Такъ, въ «Словахъ Григорія Богослова» XI вѣка греческое 'Ολύμπιος передано черезъ «Алюмпьскіи» (л. 284, об.), а греческое Ναδάβ — черезъ «Анадавъ» (л. 256)⁴⁾, затѣмъ имя «Алимній», «Алимніада» часто попадаетъ въ галицкихъ памятникахъ, — между прочимъ въ недавно изданномъ апокрифическомъ сборникѣ XVII вѣка⁵⁾, почти одновременномъ съ кievскими помянниками. Имя «Алиферій» (съ *А*) укажемъ въ галицкомъ апокрифѣ XVIII вѣка Ивана Кузиковича⁶⁾. Галицкое начертаніе «Ануфрій» встрѣчается въ т. н.

1) См. напр. тотъ матеріалъ, который представляетъ собою коллекція Румишевскаго музея № 67.

2) Извѣстія, стр. 323; Журн. Мин. Нар. Просв. 1907, май, стр. 49; Лекція, 1903, стр. 79.

3) Лекція, 1903, стр. 75.

4) «Слова Григорія Богослова» XI в., кстати сказать, почти навѣрное писаны въ Червоной Руси. Срв. мою «Украинскую грамматику», § 6.

5) «Пам'ятки українсько-руської мови і літератури», т. IV (Львів 1906), стр. 275, 285.

6) «Пам'ятки», т. IV, стр. 84.

грамотѣ князя Льва Галицкаго Лавровскому монастырю якобы, свѣ года, поддѣланной не позже 1448 года¹⁾. Буква *А* въ имени «Анисимъ» (и притомъ въ специально-малорусской формѣ «Ганусъ», съ несомнѣннымъ удареніемъ на *А*) есть естественное общемалорусское начертаніе и встрѣчается по памятникамъ очень часто, будутъ ли это памятники кievскіе (срв. купчую грамоту Станислава Ганусовича ок. 1467 г., бывшаго ок. 1471 года кievскимъ воеводой²⁾), или будутъ ли это памятники западно-малорусскіе (срв. пана Шинка Ганусовича въ ровенской волинской грамотѣ 1488 г., внесенной въ Луцкую кировскую книгу 1569 г. № 2043, л. 81). Что касается XVI вѣка, то букву *А* въ этихъ именахъ мы легко можемъ найти не только въ помянникахъ кievскихъ монастырей; но и въ помянникахъ западно-малорусскихъ. Срв. начертаніе «Аксенія» на первомъ же листѣ помянника при галицкомъ Язловецкомъ Евангеліи XVI вѣка, хранящемся теперь въ Волинскомъ епарх. музеѣ³⁾. Ту же особенность этихъ именъ мы наблюдаемъ и въ современномъ малорусскомъ языкѣ всѣхъ нарѣчій: и теперь эти имена начинаются то съ *О*, то съ *А*. Всегда ли преобладаетъ въ нихъ *О*, сказать трудно. Конечно, форму «Ониско» мы встрѣчаемъ несравненно чаще, чѣмъ торжественное «Анисимъ», и даже, чаще, чѣмъ простое неторжественное «Ганусъ», но «Арехвиръ» не болѣе рѣдко, чѣмъ и «Олехвиръ»; «Авдотя» едва ли можетъ считаться болѣе рѣдкимъ именемъ, чѣмъ «Видля» (изъ «Овдыя»); если «Аксенія» не столь обычно, какъ «Оксана», то производная фамилія «Аксюк» (=сынъ Ксенія) слы-

1) Въ 1448 году эта грамота была уже подтверждена королемъ Казимиромъ. Списокъ имѣется въ Румянцовскомъ музеѣ, № 68 л. 5.

2) Срв. Румянцовскій музей, № 68, л. 5.

3) Какъ этотъ помянникъ, такъ и другіе старинные зап.-ир. помянники вообще изобилуютъ и другими тѣми же формами личныхъ именъ, которыя г. Соболевскій отмѣчаетъ въ помянникахъ кievскихъ въ качествѣ, яко бы, великорусизмовъ. Тутъ же на 1-ой стр. Язловецкаго помянника г. Соболевскій могъ бы найти и «Парасковію» (а въ дарственной записи послѣ л. 15 даже «Парасковію»), и «Еремей» и т. п. формы, которыя онъ считаетъ антимаюрскими. Последнее имя (Еремей) встрѣчается, кстати сказать, и въ буковинской грамотѣ 1442 и 1444 года. (=Ули. № 56 и № 58).

шится теперь вездѣ только съ *А*, поскольку я могъ это прослѣдить¹⁾; фамилія «Оксаненко» чередуется съ «Аксаненко» (срв. газету «Рада» 1906, № 66, стр. 3; № 67, стр. 3).

Итакъ о немалорусскости этихъ именъ (съ начальнымъ *А*) не можетъ быть и рѣчи. Но для исторіи малорусскаго языка вообще, и кievскаго нарѣчія въ частности, можетъ быть не лишнимъ обсужденіе причинъ, вызвавшихъ здѣсь появленіе звука *А*. Фонетически или не фонетически онъ здѣсь развился?

Быть можетъ, отчасти дѣйствовали тутъ и нѣкоторые законы фонетическіе. По поводу возникновенія формы «Аксенія» вмѣсто «Ксенія» можно вспомнить, что малорусскому языку вѣдь присущъ эфоническій протезисъ *А*, — положимъ, гораздо менѣе обычный, чѣмъ протезисъ *О* и *И*, но все же констатируемый; срв. галицк. «аврукати» (=томо ворковать) вмѣсто «врукати». Въ параллель къ старинной передѣлкѣ «Элеверія» въ «Алиферія» и въ «Арехвиръ» и «Онисма» въ «Анисима» и «Гануса» можно вспомнить нынѣшнее малорусское вульгарное произношеніе «агоїзмъ» (чит. «агоjizmъ») вмѣсто «эгоизмъ» и систематическое произношеніе «Адѣс» вмѣсто «Одесса».

Повидимому, однако, главной причиной появленія звука *А* въ именахъ вышеотмѣченнаго типа были вліянія нефонетическія: аналогія другихъ именъ. Мы знаемъ, что греческія имена, начинавшіяся съ *А* (напр. Ἀλέξανδρος), переходили на Русь какъ въ книжно-церковной формѣ «Александръ», такъ и въ болѣе народной формѣ «Олександръ»; срв. въ кievскомъ Изборникѣ 1073 г.: «Ольксандръ Македонъ» (л. 256 а, наряду съ «Александръ»). Обѣ формы такихъ именъ одинаково усвоивались древними русинами и тѣ пріучались къ мысли, что каждое подобное имя можетъ одновременно имѣть два вида: и болѣе «про-

1) Въ фамиліи «Оксеновичъ», напротивъ, повидимому, всецѣло возобладалъ звукъ *О*. Съ буквою *О* пишется эта фамилія и въ кievскихъ памятникахъ XVII в. (извѣстенъ ректоръ кievской Могиланской коллегіи Игнатій Оксеновичъ-Старушничъ, ученикъ Петра Могилы).

стую» форму—съ начальнымъ *О*, и болѣе торжественную, болѣе «правильную» форму—съ начальнымъ *А*. Такое свое воззрѣніе о «правильности» начального *А* и о вулгарности начального *О* они невольно примѣняли и ко всѣмъ прочимъ именамъ съ начальнымъ *О*, каково бы ужъ ни было происхожденіе того зачинаго *О*. Этимъ проще всего и объясняется то обстоятельство, что «Ксенія» (Ξενία), обратившись на древнерусской почвѣ сперва въ «Оксенію» (съ звфоническимъ протезисомъ *О*), немедленно пріобрѣла себѣ и параллельную, якобы «правильную» форму: «Аксенія»; по той же причинѣ къ формѣ «Ов[в]дотья» (Εὐδότης) была создана параллельная мнимо-правильная форма «Авдотья». Въ особенности трудно было устоять отъ образованія подобной лжеправильной «акающей» формы тогда, когда святцы содержали въ себѣ сверхъ какого-нибудь имени, писавшагося съ *О*, подобозвучное другое имя, писавшееся (вполнѣ этимологически) съ *А*. Такъ, въ женскомъ имени «Анисія» начальное *А*—этимологически вполнѣ правильно (происходитъ оно отъ греческаго глагола ἀνίσω, = «совершаю» откуда существительное ἀνίσσις), а между тѣмъ это имя въ высшей степени напрашивается на то, чтобы его сочли за женскій родъ отъ «Онисимъ» (греч. Ὀνήσιμος, отъ глагола ὀνύμι) и чтобы Онисима обратили въ Анисима,—равно какъ Онисифора въ Анисифора. Возможно даже, что звукъ *А* въ имени Анисимъ появился еще на почвѣ греческой, гдѣ нарицательныя прилагательныя разныхъ корней, но одинаковаго значенія, — «ὀνήσιμος» и «ἀνύσιμος» (=пригодный), — смѣшались въ живомъ словоупотребленіи грековъ¹⁾.—Къ тому же звукъ *А* въ имени «Анисимъ» (оно же «Ганус», съ удареніемъ на *А*) долженъ былъ укрѣпиться у малоруссовъ не безъ вліянія имени «Анисъ», которое по-русски называется «анисъ», по-малорусски «ганусъ», и изъ котораго до-

1) Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этой догадки можетъ служить довольно обычная православно-арабская форма انیسیموس (чит. «Анисімос») этого имени, усвоеннаго арабами отъ православныхъ грековъ. Другая арабская форма—اونیسیموس (чит. Onisimós).

нынѣ готовится знаменитая «ганускѣва горілка» (=анисовка).—Въ имени «Анисифоръ» (по-простонародному «Анциперъ») звукъ *А* могъ у малоруссовъ укрѣпиться еще по одной добавочной причинѣ. Въ вулгарномъ произношеніи первоначально-правильная форма имени «Онисифоръ» изстари обратилась въ «Онципоръ» (срв., напр., въ Скиргайловой грамотѣ 1390 года)¹⁾,—и вотъ эту начальную половину имени: «Онци...» малоруссы смѣняли съ тѣмъ начальнымъ «Анци», которое у нихъ звучало и звучитъ въ цѣломъ рядѣ словъ (срв. «анціхристъ»=антихристъ, «анціболотъ»=болотный духъ).—Имя «Арехвіръ» (обратимъ вниманіе на присутствіе звука *р* послѣ *А*), параллельное съ «Орехвіръ» и съ «Олехвіръ», возникло, надо полагать, не безъ вліянія имени «Арева» (Ἀρέθας), слишкомъ достопамятнаго для южноруссовъ по Печерскому Патерику²⁾. А ужъ и подавно могъ вспомнить чернеца Арею и букву *А* въ его имени тотъ кievскій чернецъ XVI вѣка, который внесъ въ помянникъ имя «Алеюери зъ Острия». Разумѣется, однако, что онъ могъ бы это сдѣлать и помимо вліянія аналогіи имени «Арева»: просто, привыкнувши обращать на письмѣхъ каждаго просто «Олексу» въ торжественнаго «Алексѣя» и каждаго простаго «Олександра» въ торжественнаго «Александра», могъ онъ и «Олехвіра» записать въ священный помянникъ «Алеферемъ», или «Алеферіемъ», даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ въ началѣ этого имени произносилъ не звукъ *А* (какъ другіе малоруссы), но звукъ *О*.

Впрочемъ, какъ бы ни объяснять, фонетически или нефонетически, присутствіе звука *А* въ именахъ «Авдотья», «Аксенія» и пр.,—остается непоколебимымъ тотъ фактъ, что ихъ зачинное *А* не стоитъ ни въ какой связи съ великорусскимъ или бѣлорусскимъ «аканьемъ» и вполнѣ присуще малорусскому языку, въ томъ числѣ галицкимъ и вольнскимъ говорамъ.

1) Изд. въ «Актахъ», относящихся къ исторіи южной и западной Россіи (СПб. 1863), т. I, стр. 2.

2) См. Кіево-Печ. Патерикъ по изд. Яковлева, стр. 107 и слѣд.

VIII.

Мы рассмотрѣли всѣ аргументы г. Соболевскаго, сколько-нибудь носящіе характеръ новизны. Это рассмотрѣніе лишній разъ подтвердило, что старо-кіевскій говоръ есть прямой предокъ нынѣшней малорусской рѣчи сѣверной и средней Кіевщины и Черниговщины съ прилегающими частями Полѣсья.

А. Крымскій.

Звенигородка, Кіевской губерніи
27 апрѣля 1906 года.

